

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ
РОССІИ
ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ.

«СВѢТИЛЬНИКЪ СТЕЗЯМЪ МОИМЪ,

«ЗАКОНЪ ТВОЙ, БОЖЕ!

(Поэма Давида).

Слова, часто повторявшіяся Петромъ Великимъ.

СОЧИНЕНІЕ

Члена Мануфактурнаго Совѣта, Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Члена-Корреспондента Статистическаго Отдѣленія Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ,

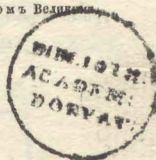
Николая Розанова,

издателя на Русскомъ языкѣ Сравнительной Статистики Франціи,
Барона Дюпена.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1839.

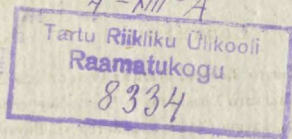
Act. 3262

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 29-го Ноября 1838 года.

Ценсоръ *И. Корсаковъ.*

Въ Типографіи Е. Фишера.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

достопогтеннымъ моимъ
соотечественникамъ — Россіянамъ
промышленнаго состоянія.

Многіе излагали въ писменахъ громкихъ благодарную память признательности къ безсмертному въ Россіи Преобразователю ея, **ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ** Первому.

Я осмѣлился изложить, просто, планъ основнаго его дѣла, почерпнувъ матеріалы историческіе — изъ дѣяній Великаго, собранныхъ г. Голиковымъ; прочее — изъ опыта послѣ двадцатилѣтнихъ разгъздовъ по Россіи и сношеній по дѣламъ съ людьми разныхъ состояній.

Хотя всѣ писмена слабы предъ живымъ словомъ Россіи, возпящающимъ земль ея славу; но я почти себя не тщетно трудившимся, если простое описаніе предмета озаритъ своимъ свѣтомъ безусловное чувство благоговѣнія къ творцу нашему въ тѣхъ состояніяхъ народа, коимъ ежедневныя занятія практической жизни неоставляютъ времени читать для сего многотомныя исторіи.

Н. Р.

Святѣльникъ стезямъ моимъ
Законь Твой, Боже!

Прибалтійскія области Корелія и Ингрія ,
составлявшія съ другими Водскую пятину Съ-
верозападнаго Новгородскаго владѣнія, и боль-
шая часть нынѣшнихъ Лифляндской и Эстлянд-
ской губерній, издревль были Русскими. Дерптъ
(старинный Юрьевъ), построенъ еще въ 1030
году Великимъ Княземъ Ярославомъ-Георгиемъ
или Юріемъ. Владычество Русскихъ въ семь
краѣ было неопредѣленно: оно стѣснялось или
разпространялось по обстоятельствамъ. Первое
поселеніе Нѣмцевъ при устьѣ Западной Двины,

гдѣ нынѣ Рига, составилось съ дозволенія и подъ покровительствомъ Князей Полоцкихъ — потомковъ Св. Владиміра и Рогнеды. Знаменитый Александръ Невскій, въ качествѣ Князя Новгородскаго и Псковскаго, бралъ дань съ Ливонскаго Ордена; но въ послѣдствіи, нашествіе Татаръ и успленіе Литвы содѣйствовали къ ослабленію вліянія Русскихъ на Балтійское поморье. Однако, Іоаннъ Грозный, помня древнія права, замышлялъ основать въ нынѣшнихъ Остзейскихъ провинціяхъ, изъ коихъ Лифляндіей уже управлялъ его Намѣстникъ Михаилъ Морозовъ, подвластное себѣ королевство. Но его намѣреніе не увѣнчалось успѣхомъ: развалины Ордена перешли сначала подъ власть Польши, потомъ достались Швеціи. Въ слѣдствіе сего Шведы овладѣли даже городами Нарвою, Яманп, Копорьемъ и Кексгольмомъ; почему война съ ними не прекращалась до Царя Феодора Іоанновича, сына Грознаго, и уже при немъ, правившей Россіей шуринъ его Борисъ Годуновъ, подготавливая себѣ наследственный Московскій тронъ, и искавъ, какъ бы, для успѣха въ томъ, привести къ миру вѣщія государственныя дѣла, въ 1594

году заключилъ съ Швеціей, именемъ Царскимъ, трактатъ вѣчнаго мира, по которому ей уступлены Нарва и Ревель; а Корелія и Ингрія съ ихъ землями и городами остались за Россіей до 1608 года — бѣдственной эпохи самозванцевъ и ихъ спутниковъ — Польскихъ нашествій. Тогда избранный на Царство, по смутному времени, Василій Іоанновичъ Шуйскій, не могши одинъ вездѣ и со всеми управиться, прибѣгнуть къ помощи Шведскаго Короля Карла IX, подтвердилъ съ нимъ мирный трактатъ Бориса и еще уступилъ Швеціи Кексгольмъ съ уездомъ. Шведъ далъ ему войска, которое, вмѣстѣ съ Русскимъ, послано подъ Смоленскъ противъ Польскаго Короля Сигизмунда; но Шведскій Командиръ де-ла-Гарди, разграбивъ въ нашемъ обозѣ казну, передался со своими къ Полякамъ, раззорялъ заодно съ ними Россію и пробирался грабежомъ, пожаромъ и убійствомъ къ Новгороду, чтобы его, нечаянно, тоже захватить. Тогда Русскіе, для спасенія себя отъ погибели, согласились избрать на Царство Польскаго Королевича Владислава, уговорили Василія Іоанновича уступить ему престолъ, заключили о семъ съ Гетманомъ Польскихъ войскъ Жолкев-

скимъ трактатъ, и для подтвержденія его послали къ Королю, подъ Смоленскъ, пословъ. Но Гетманъ, вмѣсто того, чтобы выйти изъ Россіи, овладѣлъ обманомъ даже Москвою и большею частию Россіи, и плѣнивъ Царя Василия съ его братьями, отправилъ всѣхъ въ Польшу. Шведъ, узнавъ о семъ, прислалъ въ Россію того же де-ла-Гарди съ большимъ противъ прежняго войскомъ, и онъ, войдя внезапно въ Новгородъ, избилъ многихъ и истребилъ 70 монастырей, многія церкви и весь городъ, и принудивъ нашего Митрополита и Намѣстника заключить съ собою клятвенный договоръ о принятіи на Русское Царство Шведскаго Королевича, завладѣлъ такимъ образомъ, кромѣ Новгорода, Орьшкомъ, Корелюю (Кексгольмомъ), Ивангородомъ и иными. Въ это-то время Нижегородскій Купецъ Косма Сухоруковъ, прійдя къ Москвѣ съ земляками подъ предводительствомъ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, по заступничеству Святаго Угодника Божія Сергія, Радонежскаго Чудотворца, спасли Россію: съ прочими Россіянами осадили Поляковъ въ Москвѣ, взяли ее, и разбивъ Королевское войско, избрали въ 1613 году на

Царство родоначальника благоденственно владычествующей до нынѣ 226 лѣтъ, династіи Романовыхъ, Царя Михаила Феодоровича, который, чтобы управиться съ Польскимъ Королемъ, долженъ былъ замириться съ Шведскимъ, заключилъ съ нимъ 27 Февраля 1617 года Столбовскій трактатъ и по оному уступилъ Шведамъ во владѣніе Ижорскую и Корельскую провинціи съ городами Иванемъ, Ямами, Копорьемъ и Орьшкомъ, со всеми принадлежащими къ нимъ землями и морскими островами за устьемъ рѣки Невы, утвердивъ присягою неимѣть впредъ и претензіи какъ на сіи города, такъ и на преждепохищенные отъ Россіи, Шведами. При Царѣ Алексѣе Михайловичѣ, въ 1656 году, Шведы обратили въ пепель все до самаго Гдова: ихъ генералъ Горнъ имѣлъ приказаніе, войдя во внутрь Россіи, предать все огню и мечу; командовавшій въ Лифляндіи генералъ Левенгауптъ, захватя въ плѣнъ многихъ Русскихъ безоружныхъ, велѣлъ всѣхъ переколотъ и перестрѣлять съ неслыханною лютостію; наконецъ Шведы, своими происками, вооружили на Россію Казаковъ, Татаръ и Турокъ, и въ 1657 году нарочно союзились съ Сул-

таномъ Турецкимъ для совершеннаго разоренія Россіи и истребленія Каколическаго нашего православія. Царь Алексѣй и его сынъ—преемникъ Θεодоръ, тоже покушались на отнятіе отъ Шведовъ тѣхъ провинцій; но неудачно, какъ 30 Маія 1672 года родился въ Московскомъ Дворцѣ, Человѣкъ, благовѣстникъ, творецъ и совершитель свышеведоховеннаго Преобразованія Россіи, истый Отчичъ, Дядичъ, Наслѣдникъ, Обладатель и Повелитель Всероссийскихъ, Западныхъ, Восточныхъ, Южныхъ и всѣхъ Сѣверныхъ странъ, о которомъ, по 3 году, говорили: «что отроча сіе будетъ, когда возмужаетъ!» который, по 5 году, обстоялъ свою родительницу отъ умысловъ царедворца Языкова, сказавъ предстоявшимъ: «или я не сынъ державнаго Царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ и угла въ дому отца моего нѣтъ!» въ коемъ еще въ колыбели покойный отецъ указалъ будущаго Русскаго Царя, и старшій братъ хотѣлъ также нарѣчь Царемъ, какъ здраваго тѣломъ и смышленнаго умомъ, отрочекъ десяти лѣтъ вошедшій на престолъ по единодушному избранію всеми народными состояніями: Стольниками, Стряпчими, Дворянами, Дьяками, Жиль-

цами, городовыми Дворянами, дѣтми Боярскими, Гостями и Гостинными, Черныхъ сотенъ и иныхъ чиновъ людьми, и высшими чинами: Боярами, Околичичими и Думными и Блвжними людьми, въ слѣдствіе предложенія Патріарха и Духовенства, кого хотятъ въ Цари: его или старшаго брата?... нетрепетный кормчій въ волненіяхъ черпи, перебалованной дерзкими прощлецами польскаго и іезуитскаго навожденія, взнянчаный доморощенымъ пѣстуномъ — русскимъ обычаемъ; мужъ порядка, терпѣнія, труда, брани; поборникъ Христіанства властительный; правосудецъ, петербѣвшій самосудія; веселый проказникъ надъ стариною въ пользу своего дѣтища—отечественнаго просвѣщенія; другъ великодушный и нелицепріятный, ничего нежалѣвшій для Россіи, и для чести ея готовый всѣмъ жертвовать; садовникъ подъ лавромъ побѣднымъ и воинъ съ серпомъ земледѣльческимъ; барабанщикъ, солдатъ, унтеръ-офицеръ, капитанъ и полководецъ, юнгъ и адмиралъ, корабельный плотникъ и архитекторъ, подчиненный и начальникъ, подданный и повелитель; ученикъ, превзошедшій своихъ учителей; мастеръ всѣхъ ремеслъ, изучавшій самъ обязан-

ности, чтобъ надѣлать подданныхъ правами; слуга Россіи животомъ, челобитчикъ за нее иностранцамъ; законодатель по природѣ народа; вѣковѣчный завѣтникъ нашего Самодержавія, коего скрижали въ кивотѣ нашей славы и величія, какъ Скрижали Божіи на горѣ Синайской; посланникъ providѣнія, исполнѣ въ человечествѣ, человекъ всехъ вѣременъ и народовъ, вездѣ великій, вremenемъ дѣль неизчислимый, пространствомъ дѣяній неизмѣримый, по духу и сердцу—Русскій, по уму—всесвѣтнѣй, тотъ, кого славословитъ Россія стройнымъ чиномъ возрастающихъ силъ ея, коего имени не заглушаетъ и время, ни въ народныхъ восклицаніяхъ, ни въ торжественныхъ пѣнопѣніяхъ Церкви, ни въ звукѣ своего оружія, ни въ плескахъ парусовъ, ни въ шумѣ волнъ подъ нашими кораблями, необыкновеннѣй и въ величій своемъ на высотѣ полнаго развитія нравственныхъ элементовъ предержащей власти, неуклоннѣй образецъ нашей современности—словомъ: Первый Императоръ ПЕТРЪ I, съ которымъ Шведъ, Карлъ XII велѣлъ тяжбу.

Три года и восемь мѣсяцевъ было ПЕТРУ, когда Царь Алексій умеръ, присоедиия къ Россіи

Малороссію и давъ своимъ подданнымъ, въ мирное и умное правленіе, Соборное Уложеніе и Воинскій Артикуль, устроивъ въ Измайлѣ, для образца Боярамъ, обширный хуторъ съ чужестраннымъ хозяйствомъ, заведя въ Москвѣ восемь регулярныхъ полковъ, въ коняхъ находилось много иностранцевъ и кон, потомъ, были подъ командою иностранца Гордона, отправивъ въ Сибирь офицера изъ Нѣмцевъ, Аванасія Бейтона, съ точнымъ повелѣніемъ завести и учредить и тамъ регулярное войско, и введя, сперва въ Потѣшномъ Кремлевскомъ Дворцѣ, а потомъ въ Преображенскомъ на Потѣшномъ Дворѣ и въ Законопаскомъ, комедіи, трагедіи, музыку и танцы, для чего были выписаны Нѣмцы, въ каковыхъ играхъ участвовала въ послѣдствіи и Царевна Софія съ благородными дѣвками и мущинами. Со Шведами, въ 1662 году, былъ заключенъ миръ. После Алексія, царствовалъ до 10 лѣтняго возраста ПЕТРА, старшій его братъ Феодоръ, о которомъ память всегда сохранится въ Россіи учрежденіемъ Славяно-Греко-Латинской Академіи, по образцу Европейскихъ Университетовъ, уничтоженіемъ въ концѣ 1681 года Розрядныхъ Книгъ и Уставомъ

о нищихъ и бродягахъ, положившимъ у насъ основаніе Общественному Призрѣнію. Съ смертію Θεодора, въ Царствующемъ Домѣ остались замѣчательными по особенному дарованію единокровная его сестра Софія и единокровный братъ Пётръ. Знаменитый затворникъ скита Вокресенскаго также окончилъ земное поприще, и смертные его останки уже покоились подъ сводами соборной церкви въ Ново-Іерусалимской обители, основанной имъ по образцу Палестинскаго Храма, которая въ это время довершалась отъ щедротъ благочестиваго усердія сестры Царя Алексѣя и дѣтей его. Но пламенный расколъ, возженный премудрымъ порывомъ Никона, неугасалъ въ народѣ и таился въ Стрѣльцкомъ войскѣ, старообрядномъ по духу, вѣрѣ и однообычномъ съ тогдашними Донцами. Царевна Софія, преисполненная честолюбиваго властолюбія, уже при жизни родителя предугадывала, въ чьей рукѣ будутъ скипетръ и держава Царя Алексѣя, и позволяя себѣ все, для отдаленія отъ престола Петра и Нарышкиныхъ, родственниковъ добродѣтельной, но ей ненавистой матери его Наталіи Кириловны, дабы имѣть на тронѣ лишь призракъ

законной власти въ племени единокровныхъ ей Θεодора или Іоанна (для чего тотъ и другой были убѣждены жениться), и самой самовластно правительствовать, съ прискорбіемъ видѣла, что все планы ея не удаются, какъ съ избраніемъ на Царство малолѣтнаго Петра, назначили при немъ Правительницей Государства Наталію Кириловну. Софія, рѣшительно тѣмъ устраненная отъ верховнаго правленія, немедленно приступила, съ помощію своего единомышленника, Боярина Милославскаго и другихъ приверженцевъ, преклонить къ себѣ Стрѣльцкое войско, чрезъ него дать дѣлу оборотъ въ свою пользу, истребить главные опоры Петра, воцарить слабаго Іоанна и быть самой Самодержавною Царицею. Милославскій былъ непримиримый врагъ стороны Царской, и тайными кознями удержалъ многихъ Стрѣльцовъ отъ присяги Петру. Его клеветы Самбуловъ съ своими сообщниками закричали въ толпѣ Стрѣльцовъ, что Бояре отняли корону у законнаго наследника престола, Царевича Іоанна, и вручили ее меньшому брату и еще отроку (хотя и первому было не болѣе 16 лѣтъ); Царевна подкрѣпила этотъ крикъ изъ своихъ комнатъ, деньгами и

виномъ; бунтовщики еще провозгласили, будто Царевичъ Иоаннъ уже и жизни лишень Нарышкинскими, а вѣрные подданные и они Стрѣльцы приговорены къ погибели. Стрѣльцы озлобляются, поютъ въ Знаменскомъ монастырѣ молебень съ водосвятиемъ, берутъ образъ Богоматери, освященную воду и подъ набатами, барабанами, при колокольномъ звонѣ, съ пушками, въ сопровожденіи поповъ вламываются въ царскіе чертоги и терзаютъ родственниковъ Царицыныхъ и вѣрныхъ Бояръ. Имъ показываютъ Петра и Иоанна—невѣрятъ, спрашиваютъ послѣдняго: онъ ли Иоаннъ? и неудовлетворяясь отвѣтомъ, перебиваютъ многихъ имянитыхъ людей, братьевъ Царицыныхъ, троихъ иностранныхъ медиковъ, одного изъ братьевъ Царицы въ глазахъ отца разсѣкаютъ на части, самаго старца Кирила Полуехтовича принуждаютъ принять монашество и отсылаютъ въ Кириловъ монастырь; послѣ сего три дня продолжаются по всей Москвѣ всякаго рода насилія и грабежи, потомъ Стрѣльцы разбиваютъ Холодїи Приказъ, разламываютъ сундуки, забираютъ, издираютъ и разбрасываютъ по площади всѣ ихъ крѣпости, крича громко: *всѣмъ господскимъ лю-*

дямъ свобода; въ четвертый день бунта вручаютъ Софіѣ государственное правленіе будто для младыхъ лѣтъ Царевыхъ; но вскорѣ, послѣ, по ея волѣ, возводятъ на престолъ, въ соцарствованіе Петра, Царевича Иоанна, и 25 Маія Царевна-Правительница, чтобы прикрыть свое возмущеніе, велитъ, по древнему обычаю, короновать обоехъ Государей Царей со всѣмъ великольпіемъ, неоставя имъ въ правленіи никакого участія, кромѣ имени. Такими-то путями и средствами дочь благотворительнаго Царя Алексѣя достигла своей цѣли! Изъ благодарности позволила Стрѣльцамъ избрать изъ среды себя выборныхъ, которые бы, при всякомъ случаѣ, могли быть ихъ защитниками, имѣть свободный входъ къ Государямъ, воздвигнуть на Красной Площади каменный столбъ съ досками, на коихъ они написали вины безвинныхъ, побѣжденныхъ ими Бояръ, дала имъ похвальные грамоты за государственными печатями какъ защитникамъ престола и переименовала ихъ, изъ Стрѣльцовъ, Надворною Пѣхотою. Послѣ того, Софія управляла Государствомъ со всѣмъ самовластіемъ; чрезъ два года приняла титулъ Самодержицы, называясь такъ вмѣстѣ

съ братьями, во всѣхъ актахъ, Царевною, а иногда и Царинею и изображаясь на монетахъ и медаляхъ по другую сторону Царей, въ порфирѣ, коронѣ и со скипетромъ подъ такимъ же титуломъ.—Чтобы болѣе угодить Стрѣльцамъ, Софія, по совѣту Милославскаго, поручила Стрѣлецкій Приказъ любимымъ имъ за потворство Боярамъ Князьямъ Хованскимъ (отцу съ сыномъ), изъ конхъ старшаго Стрѣльцы называли своимъ отцомъ, и какъ онъ былъ еще и раскольникъ—тайный послѣдователь Аввакумовской и Никитской ереси, то по надеждѣ на него, они вскорѣ осмѣлились, подъ предводительствомъ своего ересіарха Никиты, нагло требовать, челобитною къ Государямъ, соборнаго о вѣрѣ словопрѣнія, обругавъ сперва въ церквѣ, во время службы, Патріарха, понося самую Церковь и все Духовенство, и вломившись потомъ въ Грановитую Палату къ Государямъ и Патріарху со свѣчами, нанося, книгами и съ камнями за пазухами, когда десятилѣтній Петръ, при общемъ страхѣ, вставъ съ своего мѣста и снявъ вѣнецъ съ головы, съ гнѣвомъ и слезами остановилъ ихъ и закричалъ: «пока сей вѣнецъ на главѣ моей и душа въ тѣлѣ

«моемъ пребудеть, недопущу на Церковь Святую воевати и правую вѣру неправому нарицати, и какъ самъ оную держу, матерію нарицаю, вѣрую, что она есть правая и истинная, «тако и всемъ повелѣваю»—и изгналъ изъ Палаты всѣхъ изувѣровъ.

Въ это время Россія была въ мирѣ со всеми сосѣдями, кромѣ Китая, съ коимъ продолжались маловажныя ссоры за Албазинъ. Софія приблизила къ правленію своего любимца Князя Голицына, и вскорѣ сдѣлала его первымъ вельможею, пожаловавъ чиномъ Великаго Канцлера. Онъ также слѣдовалъ Аввакумовской ереси и былъ врагъ противной ей партіи. Чтобы самовластнѣе управлять Государствомъ, они заключили съ прибывшими отъ Шведскаго Короля Карла XI, полномочными послами, вѣчный миръ, на основаніи постановленнаго предъ тѣмъ за двадцать лѣтъ перемирія, на тѣхъ же условіяхъ, который подтверждали какъ оба Государя, такъ и Король, со всеми обрядами.—Турки между тѣмъ сильно налегали на Христіанскихъ Государей, и потому Австрійцы, чрезъ два года по возшествіи Царей на престоль, старались всеми силами преклонить ихъ,

особенно Петра, зная его воинскія склоности, къ союзу съ ними противъ общихъ враговъ Креста; однако и съ Турками было постановлено Царемъ Феодоромъ 20-лѣтнее перемиріе, котораго по доброй совѣсти нельзя было нарушить; къ тому же Россія и предпринять ничего не могла, пока Польша не заключитъ вѣчнаго мира, отказавшись отъ своей претензіи на Смоленскъ, Кіевъ и на всю Украину. Но въ этомъ случаѣ Австрійцы дѣло поправили: Польша, въ 1676 году вынужденно уступила Портъ важную Каменецкую крѣпость, и Польскій Король Собіесскій и Республика охотно склонились къ общему съ Австрійцами союзу, условясь совокупно стараться преклонить къ нему и Россію. 1686 года 26 Апрѣля, Польскіе полномочные утвердили вѣчно за нами Смоленскъ, Кіевъ, Новгородъ Сѣверскій и всю по нашей сторонѣ Днѣпра Украину; мы заключили съ ними, въ пользу Австрійцевъ, наступательный и оборонительный противъ Турокъ трактатъ, и приняли на себя послать пословъ къ прочимъ Христіанскимъ Державамъ съ предложеніемъ того же союза. Петру было тогда 14 лѣтъ. Это исполнено. Цесарь и Венеція утвердили миръ и со-

юзъ съ радостію; Дворы Англійскій, Французскій, Испанской, Голландскіе Штаты, Данія, Швеція и Бранденбургія къ нему неприступили; но Папа объявленъ отъ Цесаря, Польши и Венеціи, его протекторомъ и защитникомъ. Въ нашемъ совѣтѣ было положено: когда на Турокъ нападутъ Венеціане, Поляки и Австрійцы, тогда Русскимъ вступить въ Крымъ. Въ 1687 году это сдѣлано. Хотя походъ былъ для насъ не только бесполезенъ, но даже вреденъ; однако успѣхи Цесарскаго и Венеціанскаго оружія произвели то, что Янычары свергли Султана и на престолъ возвели другаго. — Но обратимся къ Петру, которому Софія старалась предоставлять всю свободу въ занятіяхъ и времяпровожденіи, въ надеждѣ, не отвлечетъ ли его юношеская пылкость отъ пути предопредѣленнаго.

Творческая идея Преобразованія Россіи начала развиваться въ немъ съ ранняго дѣтства, обнаружась въ домашнемъ кругу, особенною склонностію младенца къ военному упражненію, любопытствомъ извѣдывать дѣломъ слышимое и изучаемое отъ своего умнаго учителя, Челобитеннаго Приказа Дьяка Никиты Моисѣ-

евича Зотова, освидѣтельствованнаго Царскимъ Духовникомъ въ правильномъ разумнѣи писанія и чтенія и въ прочемъ, до должности учителя касающемся, и отъ служившихъ въ Россіи иностранцевъ, — духомъ вѣдательнымъ и силою души безпримѣрною. Съ Петра трехлѣтняго младенца не могли снять сабли, подаренной ему въ день тезоименитства однимъ купцомъ, которою опоясалъ его родитель тогда же, съ молитвою Духовника, и онъ перьдко засыпалъ съ нею. Петръ пятилѣтнимъ младенцемъ, какъ видно выше, обстоилъ свою родительницу; въ 10 лѣтъ, силою своего слова, выгналъ изъ дворца раскольниковъ, бывъ за нѣсколько предъ тѣмъ времени угрожаемъ отъ нихъ острымъ оружіемъ; двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ онъ поправлялъ на первомъ ученѣ Военный Артикулъ своего родителя, исключивъ изъ него многія лишнія слова, и острою насмѣшкою отучалъ Бояръ отъ неовой и птичей, любимой ими охоты, доказывая сколь лучше быть воинами, нежели несовыми охотниками. Въ тоже время онъ потѣшался съ своими потѣшниками — дѣтьми придворныхъ его родительницы, умножалъ число ихъ, приближалъ къ

себя преданнаго Россіи Лефорта, который хлопоталъ, какъ бы всю Женевскую Республику привести въ ея подданство, обмундировывалъ Потѣшныхъ по-нѣмецки, выслуживался съ ними изъ барабашка и солдата въ унтеръ-офицеры, изкоренялъ мѣстничество, учился у Лефорта по-голландски, приучался выслушивать отъ него же правду, пострѣлывалъ изъ пушекъ, отыскалъ Поручика Тимермана и понаучился отъ него Геометріи и Фортификаціи, построивалъ съ Потѣшными, въ Преображенскихъ рощахъ, на Яузѣ, маленькую регулярную крѣпость, возилъ на нее землю; а тамъ атаковалъ оную, да взял приступомъ; поучивалъ передъ своимъ дворцомъ Стрѣльцовъ по Военному Артикулу отцовскому и по своему, обратилъ въ Потѣшныхъ соколиныхъ и несовыхъ охотниковъ; двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ такъ разигрывался однажды на Патриарха, найдя въ Патриаршей Библіотекѣ книги въ большомъ безпорядкѣ, разбросанными и многія изтлѣвшими, что св. отецъ едва могъ, со слезами, выпросить себѣ прошеніе и то чрезъ Царя Іоанна Алексѣевича; управлялся какъ Царь властительный съ стрѣleckими бунтовщиками изъ обители Св. Сергія,

казнилъ ихъ потворщиковъ и виновниковъ бунта Князей Хованскихъ; перенесъ смертную отраву, отъ коей чувствовалъ во всю жизнь тяжкіе по временамъ припадки; послѣ, снова предавался въ Преображенскомъ воинскому ученію, выводилъ въ чины своего Лефорта. Когда Государю было 15 лѣтъ, число Потышныхъ такъ умножилось, что въ одномъ Преображенскомъ они не могли помѣщаться, и потому часть ихъ поселилась въ Семеновскомъ. Тогда же Лефортъ сформировалъ полкъ своего имени и въ числѣ Потышныхъ учредилъ конницу. Уже Петръ присутствовалъ въ совѣтахъ по вѣншимъ государственнымъ дѣламъ, и между воинскими ученіями, разговаривалъ съ иностранцами и болѣе съ Лефортомъ, роя желаніемъ видѣть лично чужестранныя земли и извлечь оттуда все полезное для Россіи. Однажды, на Преснѣ, вторично забавлялся стрѣлянiемъ изъ всѣхъ большихъ пушекъ; осматривалъ дивизию войскъ, отправленныхъ въ первый Крымскій походъ съ Гордономъ при Главнокомандующемъ Князѣ Голицынѣ; опять занимался военными экзерциціями и постройками крѣпостей; но по безуспѣшности Крымскаго похода взя-

влялъ торжественно свое неудовольствіе и выговаривалъ за то Князю Голицыну, хотя Царевна осыпала своего любимца и начальствовавшихъ при немъ наградами, отнеся неудачу къ предположенной взмѣнѣ Гетмана Самойловича. Послѣ сего Петръ самъ назначилъ на Бѣлогородскую обсервационную линію три полка, былъ въ 1689 году на совѣтѣ о второмъ Крымскомъ походѣ, и хотя не препятствовалъ Софіѣ назначить Главнокомандующимъ того же Князя Голицына, но уже послалъ соглядатаемъ за нимъ своего Лефорта. Въ томъ же году, невступно 17 лѣтъ, женился по убѣжденію матери и ближнихъ своихъ Боярѣ, на Лопухиной, и уже во многихъ случаяхъ намѣкалъ сестрѣ, что ея соцарствованіа болѣе не требуетъ; прибывшаго изъ похода Князя Голицына не принялъ; однако въ послѣдствіи, по убѣжденію Софіи, допустилъ къ рукѣ и согласился, чтобъ его и прочихъ наградили.

Въ это время Правительница уже почувствовала близость своего паденія, и что ее ожидаетъ одно: вѣчный монастырь. 1689 года 8 Юля въ день крестнаго хода въ Казанскій Соборъ, Софія явилась туда и пошла за крестами вмѣстѣ съ Царями, во всемъ царскомъ облаченіи. Го-

сударь не могъ снести сего: сперва выговаривалъ, что ей, какъ женщинѣ, это не прилично; но она продолжала шестіе. Петръ съ негодованіемъ ухватилъ изъ хода въ Коломенское и оттуда въ Преображенское. Разрывъ между ними послѣдовалъ явный, и Царевна приступила къ исполненію послѣдняго своего умысла: «Царя Петра, вводящаго Нѣмецкіе обычаи и Нѣмецкое войско и пмѣющаго намѣреніе переменить въру и истребить Царя брата своего и всѣхъ вѣрныхъ отечества сыновъ, въ томъ числѣ и Стрѣльцовъ, убить, а съ нимъ истребить и весь родъ его и находящихся при немъ единомышленниковъ съ нимъ Бояръ». Однако, между заговорщиками открылась измѣна; Царь обо всемъ узналъ вовремя и съ семьей и немногими преданными ему скрылся изъ Преображенскаго въ Троцкую обитель къ Св. Сергію. Князь Голицынъ совѣтовалъ Софіѣ бѣжать въ Польшу; но она, полагаясь на всѣхъ Стрѣльцовъ и на многихъ знатныхъ особъ, осталась въ своемъ намѣреніи непоколебимою. Между тѣмъ въ монастырь, къ Государю, собрались Бояре и иностранные офицеры съ полками. Софія еще пыталась возмутить Стрѣльцовъ клеветою на Петра

и старалась посорить съ нимъ брата Юліана, находившагося въ Москвѣ, отъ чего, вѣроятно, и не пошли оттуда, въ монастырь, тотчасъ по присылкѣ отъ Царя, выборные Стрѣльцы, Полковники, Гости, гостинной сотни Посадскіе люди и Чернослободцы; уговорила тетку и сестеръ своихъ оправдать ее—и онѣ старались защитить крамольницу у погъ Государя,—но тщетно; потомъ Царевна подсылала Патриарха,—то же напрасно; наконецъ сама похваля,—Петръ ее не принималъ; она настоятельно хотѣла его видѣть,—онъ общалъ ей, при упорствѣ, поступить съ нею нечестно, и она въ смущеніи возвратилась въ Москву. По вторичному письму Петра, все требованное имъ изъ Москвы, явилось въ монастырь; онъ прочиталъ имъ доносъ на заговорщиковъ, въ главѣ коего на сей разъ были клеветы Софіинъ Шекловитый и участники его Полковникъ Рязановъ и выборные Стрѣльцы Обросимъ и Никита Гладкіе и Косьма Черный со многими другими; слышавшіе единогласно произнесли истребленіе всѣхъ сихъ злодѣевъ; но Царь приказалъ взять въ Москвѣ только Шекловитаго съ единомышленниками, призвалъ къ себѣ въ монастырь всѣхъ Бояръ, виновѣйшихъ

въ заговорѣ всѣхъ казнилъ; Князя Голицына съ сыномъ лишилъ боярства и имѣнія и отправилъ въ ссылку, а Софія приказала добровольно уклониться въ монастырь; но какъ она исполнить сего неоторопилась, то ее взяли и посадили въ Московскій Новодѣвичій монастырь, приставя къ ней стражу подъ начальствомъ неколебимаго Князя Федора Юрьевича Ромодановскаго. 1689 года 7 Сентября состоялся особый указъ обоихъ братьевъ объ исключеніи изъ всѣхъ дѣлъ имени Правительницы Софіи, самодержавно правительствовавшей семь съ половиною лѣтъ, и Царь Іоаннъ, въ доказательство своей невинности и любви къ брату, уступилъ ему все правленіе. Такъ Петръ, 17 лѣтнимъ юношей взялъ предопредѣленное ему безсовѣстное, единодержавное Самодержавіе.

Съ сего времени возрожденное Петру дѣло пошло успѣшнѣе: онъ вполне предался воинскому упражненію, набралъ новое войско, разослалъ своихъ иностранныхъ офицеровъ по Нѣмецкой землѣ для приглашенія на службу новыхъ офицеровъ и солдатъ; Лефорта, который, между тѣмъ, одѣлъ выборныхъ Стрѣльцовъ въ Нѣмецкое платьѣ и обучилъ регуляр-

ному артикулу, пожаловалъ въ день рожденія перваго своего сына, генералъ-маіоромъ; велѣлъ маневры, исправилъ родительскій пятитысячный корпусъ регулярныхъ войскъ, а Лефортъ учреждалъ другой такой же корпусъ, помѣшая въ него вновь прибывавшихъ иностранцевъ; началъ исправлять гражданскія дѣла и умножать государственные доходы; обратилъ помѣстья бояръ и чиновниковъ, вѣрныхъ въ послѣднемъ бунтѣ, въ вотчины, и приблизился къ морскому дѣлу.

Въ 1691 году, когда Государю было 19 лѣтъ, попался ему на глаза, въ селѣ Измайловѣ, вѣтхій Англійскій ботъ. Узнавъ его употребленіе, онъ тотчасъ велѣлъ исправить его, катался на немъ по Яузѣ, самъ управляя имъ; потомъ, по приказанію Государя, ботъ перевезли въ Измайлово и пустили на Просіяной прудѣ. Между тѣмъ Петръ построилъ на берегу Москвы рѣки яхту и поѣхалъ на ней въ село Коломенское. Узнавъ о Переславскомъ озерѣ, онъ приказалъ заложить на немъ два фрегата и три яхты, ѣздилъ туда съ семействомъ смотрѣть за работою; опять занимался приведеніемъ въ порядокъ гражданскихъ дѣлъ, освободилъ отъ

оброка построенныя въ Россіи, иностранцами, пильныя мельницы; принималъ въ Москвѣ Персидскаго посла, и употребленнаго при семъ, какъ перваго министра, Лефорта, пожаловалъ въ генералъ-поручики. Сей любимецъ наперетникъ, уже имѣлъ тогда свой дворецъ, и этотъ дворецъ окружался 500 деревянными казарменными домами. Государь потѣшался на дворцовыхъ прудахъ морскими маневрами между съдланными Лефортомъ малыми морскими судами; отправилъ въ Китай посольство для утвержденія мира, и оно заключило въ Нерчинскъ дружескій и торговый трактатъ. 1692 года 1 Мая, спущены на воду построенныя въ Переславль суда; Государь занимался нѣсколько недѣль плаваніемъ на нихъ и управленіемъ и пожаловалъ Лефорта генералъ-адмираломъ этого перваго Россійскаго флота; послѣ того, для подтвержденія договора и выгоднѣйшаго постановленія о торговлѣ, отправилъ въ Китай вторичное посольство, болѣе изъ Нѣмцевъ и частію Рускихъ. По приказанію Государя они описали это путешествіе, положили на карту, и тогда же, по волѣ Царя, иностранцы сочинили первую карту Россіи и Си-

бири (1692). Въ это же время заложена въ Москвѣ, Сухарева башня, въ засвидѣтельствованіе вѣрности, при бунтахъ, стрѣльческаго Сухарева полка.

Но въ сихъ трудахъ дѣятельныхъ и дѣлахъ общепользныхъ, Государь съ прискорбіемъ замѣчалъ, что его подданные мало проникаютъ въ его сердце. Явился монахъ предсказатель, что царствованіе Петра будетъ недолго; у попа подѣ Девичьимъ монастыремъ сыскали двухъ, бѣглыхъ изъ подѣ стражи Стрѣльцовъ, скрывавшихся у него полтора года и приведенныхъ къ нему дякономъ, по указу Софін; повсемѣстно оказывалась какая нибудь измѣна, ибо затворница знала и изъ кельи все, что дѣлалось при Дворѣ; взятыя отъ попа Стрѣльцы съ приводу показали на другихъ Стрѣльцовъ, а сіи повинились, что подлинно умышляли на жизнь Государеву. Близкій Царя Іоанна Бояринъ Милославскій опять пыталъ бунтовать Стрѣльцовъ—его сослали въ деревни; четверо извѣстныхъ лицъ были обличены въ хульныхъ словахъ на Государя; у Дворца найдены подметныя латинскія письма и схваченъ другой монахъ, который заводилъ тоже умыселъ, такъ

же на Государя; шайка Стрѣльцовъ, подкопавшись подъ Дѣвичій монастырь, вывела было Софію; хотя они захвачены во-время и все скоро кончено; но какъ Стрѣльцы стремились истреблять всѣхъ сопротивлявшихся, то крови пролито много; а притомъ и Бояре, въ духъ мѣстничества оказывали ослушаніе. Но Государь неослабывалъ: работа его шла своимъ чередомъ.

Переславское озеро скоро оказалось малымъ для Петрова желанія—онъ вздѣлъ на Кубенское, въ Вологодской губерніи; но и оно не было удовлетворительно. Взявъ Гордона, Лейфорта, нѣсколько человекъ изъ войска и нѣкоторую свиту, Государь похалъ въ Архангельскъ, тамъ осматрѣлъ иностранные корабли, впервые увидѣнные, съ нѣсколькими изъ нихъ самъ и Бояре, плавали шесть дней по морю; потомъ снарядилъ на казенный счетъ корабль съ товарами въ чужіе края; возвратился въ Москву, возобновилъ ученія, опять исправляя войска, гражданскія дѣла, отдалъ послѣдній долгъ своей родительницѣ, и съѣздившись послѣ нее еще свободнѣе въ упражненіяхъ, особенно въ мореплаваніи, (отъ чего по-

койная его удерживала), съ весны на другой годъ похалъ вторично въ Архангельскъ; оттуда отправился на яхтѣ, съ нѣсколькими кораблями, къ Соловецкому монастырю и въ пути былъ застигнутъ бурей; но дивно спасся отъ кораблекрушенія въ Унскихъ Рогахъ; на мѣстѣ выхода на берегъ въ этой губѣ водрузилъ слаженный своими руками крестъ съ Голландскою надписью; послѣ того былъ въ Соловецкомъ монастырѣ, осматривалъ островъ, одарилъ монашествующихъ; потомъ возвратился въ Архангельскъ, оттуда на купленномъ въ Англіи кораблѣ, съ Англійскимъ и Голландскимъ конвоемъ еще вздѣлъ въ море, все обозрѣвалъ, учился навигаціи и должности кормщика, и къ осени прибывъ въ Москву, приступилъ къ маневрамъ около земляной крѣпости, приготовленной въ его отсутствіе подъ Кожуховымъ, причемъ пѣвчіе Государевы составляли кавалерію, а войско было изъ всѣхъ состояній. Крѣпость взялъ штурмомъ, и Князь Ромодановскій провозглашенъ отъ Государя генералиссимусомъ. Тѣ же маневры повторены еще разъ подъ другою такою же крѣпостію.

Россія уже владѣла Смоленскомъ, Кіевомъ,

Сѣверскими городами и всюю по-Днѣпровскою Україною. Миру и союзу съ Австрійцами, доставившему ей это владѣніе, миновало восемь лѣтъ. Цесарь, подъ протекціей и защитою Папы, давно дразся съ Турками; но какъ Турки раззоряли его Венгрію, то онъ, чрезъ особыхъ пословъ просилъ нашего Государя возобновить трактатъ, оставленный нами, по случаю внутреннихъ смуть, въ небреженіи. Порта, узнавъ о семъ, также предлагала Петру самыя выгодныя условія къ миру, и выигрышь явно склонялся къ той сторонѣ, къ которой пристанетъ Россія. Но Государю до сего пылливому, любознательному, въ это время уже 22 лѣтнему юношѣ, не терпѣлось начать дѣло, къ коему онъ призванъ провидѣніемъ, хотѣлось видѣть войско свое въ сраженіяхъ дѣйствительныхъ и — болѣе того, овладѣть Азовскимъ моремъ, какъ вратами Чернаго. Петръ возобновилъ трактатъ съ Цесаремъ; къ войнѣ начались ревностныя приготовления; Государь завелъ въ Воронежъ, Голландскими корабельщиками и плотниками, корабельную верфь и строеніе кораблей, и переименовалъ Потѣшныхъ въ полки Лейбъ-Гвардіи Преображенскій и Семеновскій, прибавя къ первому

бомбардирскую роту и сълавивъ себя ея капитаномъ. Съ весны 1695 года двинулась, по пути Крымскихъ неудачныхъ походовъ Князя Голыцина, Петрова сто-тысячная армія подъ предводительствомъ Боярина Шереметева, и тогда же взяла по Днѣпровской линіи, многие города; а отрядъ отъ нее изъ 31 тысячи съ самимъ Царемъ, подъ командою другаго Боярина Шенна, осадилъ Турецкій Азовъ и при немъ взялъ двѣ каланчи. По неготовности Воронежскаго флота, немнѣшю чѣмъ препятствовать неприятельскимъ скурсамъ съ моря, по недостатку искусныхъ инженеровъ и по измѣнѣ Голландца, нашего артиллериста, Азова не одолѣли. Государь положилъ для овладѣнія Крымомъ содержать двѣ арміи: одну тамъ, другую въ околностяхъ Азова; поставилъ observationalный корпусъ по Бѣлогородской чертѣ, усиллъ войско всѣми недорослями, дворянами и боярскими дѣтьми, годными для службы, и снабдивъ такимъ образомъ операціонную линію гарнизонами и оставя войско во взятыхъ двухъ каланчахъ, чтобъ городъ во всю зиму содержать въ блокадѣ, самъ поскакалъ въ Москву, откуда немедленно отправленъ, по приказанію

нiю Государя, нашъ купчина Маленькiй съ нашими же товарами чрезъ Персiю, въ Индiю, съ повелѣнiемъ описать путь, мѣстоположенiя земель, кои проходить будетъ и *все прочее* (какъ при послѣднемъ посольствѣ въ Китай, въ слѣдствiе коего сочинена первая карта Сибири и Россiи). Тогда жѣ Петръ, похоронивъ своего Державнаго брата Юанна, послалъ изъ Москвы не малое число дворянскихъ дѣтей въ чужiе края для обученiя артиллерiи, инженерiи, канонерiи и морскому дѣлу; выпросилъ у Австрiйцевъ, Курфюрста Бранденбургскаго и Голландскихъ Штатовъ — инженеровъ и минеровъ; къ веснѣ 1696 года окончилъ въ Воронежѣ постройку двухъ военныхъ кораблей, двадцати трехъ галеръ, двухъ галасовъ и четырехъ брандеровъ, и спустился съ ними по Дону къ Черкаску, дѣлалъ при устьѣ рѣки осмотръ моря на легкомъ казачьемъ суднѣ, тогда какъ по его приказанiю другiе вымѣривали и описывали землю, фонъ Менгенъ сочинялъ карту мѣстамъ отъ Москвы къ Югу до береговъ Малой Азiи и Крымской Татарiи, и Брюсъ — другую карту, землямъ между Дономъ и Днѣпромъ; а 16 Мая, Царь,

пустивъ первую бомбу, открылъ формальную атаку на Азовъ съ своими морскими и сухопутными, съ Донскими сухопутными и лодочниками, съ Малороссiйскими Казаками и Калмыками, тогда какъ Шереметевъ, вивъ по Днѣпру, работалъ противъ Татаръ съ Запорожцами на лодкахъ, которые вскорѣ взяли на Черномъ морѣ 17 Турецкихъ кораблей, шедшихъ въ Очаковъ съ хлѣбомъ и товарами. На четвертый день Азовъ слался на договоръ и тогда же нами занятъ. Государь, немедленно по очисткѣ его, укрѣпилъ оный лучше прежняго и самъ трудился надъ устроенiемъ гавани; но какъ замѣтилъ, что приходящiе къ Азову корабли должны, по мѣлководiю, останавливаться вънѣсколькихъ верстахъ отъ города, то и сыскалъ другое, удобнѣйшее для гавани, мѣсто — Миусъ; но вскорѣ, вѣроятно по той же причинѣ, перемѣнилъ и его, и выбралъ иное мѣсто, гдѣ стояла укрѣпленная землянымъ валомъ Турецкая башня, и поручилъ Австрiйскому инженеру Борксдорфу строить тутъ новую гавань и городъ, нынѣшнiй Таганрогъ. (*)

(*) Около него, въ 1699 году, при отправленiи въ Переградъ Посла Украинцова, Государь, въ Августъ мѣсяцъ,

Но не симъ только кончилъ Государь этотъ походъ; нѣтъ! Вычисливъ пользу отъ соединенія Волги и Дона и чрезъ то—морей Каспійскаго съ Чернымъ, Азовскимъ и Балтійскимъ, онъ немедленно рѣшился соединить эти двѣ рѣки, каналомъ и столь пестерильно спѣшилъ дѣломъ, что на слѣдующую весну 1697 года, оно производилось 35 тысячами работниками, собранными изъ ближнихъ губерній. Заложивъ работу, Петръ повѣхалъ въ Москву, и самъ, пѣшкомъ, между нижними чинами, ввелъ въ городъ своихъ побѣдоносныхъ сподвижниковъ, подъ славою дѣла Генерала Адмирала Лефорта и прочихъ генераловъ, съ триумфомъ до того невиданнымъ и съ хвалебными храбрымъ пѣснями до того неслыханными, при громѣ пушекъ, возбуждительною для любви къ славѣ побѣдъ. Къ Государю явились всѣ Чины Государственные съ поздравленіемъ о побѣдѣ; но онъ давъ имъ замѣтить, что если такая польза произошла отъ малаго флота, то какой можно бы надѣяться отъ большаго, тутъ же, для поданія сильнѣйшей помощи утѣшенному Христити своимъ руками дубовые жолуди, желая въ безлѣпнѣ помѣсть имѣть со временемъ дубовый лѣсъ.

стѣянству, сдѣлалъ роспись новымъ шестидесяти шести кораблямъ, и отдалъ ее поздравителямъ, возложилъ выстроить 6 кораблей на Патриарха, 5 кораблей на Духовенство, 34 корабля на Бояръ, и 11 бомбардирныхъ и брандеровъ на города, да и самъ взялся, на свой коштъ построить 10, прося все кончить непременно въ три года, что съ помощію присланныхъ отъ Венеціанской Республики литейныхъ и корабельныхъ мастеровъ, конопатчиковъ и матросовъ и было исполнено. Такъ зналъ Государь, что ржавчину стариннаго бездѣйствія лучше сводить по народной пословицѣ «не дубьемъ, а рублемъ.» Сверхъ верфи въ Воронежѣ тогда же Петръ учредилъ другую, въ Брянскѣ, на Деснѣ, гдѣ, потомъ, строились галеры, и въ томъ же 1696 году, рѣшилъ на счетъ просвѣщенія Россіи: какъ быть дѣлу, признавшисъ Боярамъ, что онъ болѣеъ сердцемъ, видя себя ни мало необученнаго къ правленію Государствомъ и неспособнымъ просвѣтить свое отечество въ его невѣденіи, и что одно только находить къ тому надежнѣйшимъ средствомъ, чтобы самому ему, отлучася въ просвѣщенныя государства, всему научиться. — По

примѣру Государя вызвался на тоже Бояринъ Шереметевъ и предпринялъ путешествіе съ нѣсколькими молодыми дворянами въ Юго-западные Европейскія государства. За тѣмъ Царь послалъ за границу, для образованія, изъ знатнѣйшихъ и дворянскихъ фамилій, на первый разъ 35 юношей подъ надзоромъ старыхъ иностранныхъ своихъ офицеровъ, съ рекомендаціями отъ себя къ владѣтельнымъ особамъ, начальнымъ людямъ и подданнымъ, и морскимъ вольнымъ добычникамъ.

И все-то это подданые Петра принимали съ негодованіемъ, находя его намѣреніе противнымъ закону его предшественниковъ и Закону Божию; Духовенство поддерживало ихъ ложнымъ толкованіемъ Священнаго Писанія; тайная партія Царевны Софій воздвигла чрезъ Стрѣльцовъ новый заговоръ на жизнь Государя и всѣхъ иностранцевъ. Но Петра предупредилъ о семъ во-время безотлучный при немъ Меншиковъ, и Государь лично являсь средъ заговорщиковъ, забралъ всѣхъ въ Преображенское, рѣшилъ тамъ ихъ дѣло, и учредя въ Москвѣ первый Правительственный Советъ изъ Бояръ, въ 1697 году снарядилъ въ Сѣверозападные

Европейскія государства свое чрезвычайное посольство, помѣстивъ въ его свѣтъ и себя.

Съ благоговѣніемъ, нераздѣльнымъ съ дѣлами Великаго, изслѣдывая цѣль его дѣяній до сего времени, предпріятіями на Югѣ, особеннымъ вниманіемъ на Сибирь, до коей относятся многія современные постановленія, вѣдами на Крымскую Татарію, мѣстность отъ Москвы къ Югу до береговъ Малой Азій, земли между Дономъ и Днѣпромъ и обширностію послѣднихъ работъ для соединенія Дона съ Волгою, кажется нельзя сомнѣваться, чтобы первоначальный очеркъ свыше вдохновеннаго и побораемаго Петру Преобразования Россіи не клонился къ тому, чтобъ завить гнѣздо нашей гражданственности при устьѣ судоходнаго Дона (такъ Государь дорожилъ новою послѣ кровавыхъ сценъ на старой почвѣ бывшаго Московскаго Великаго Княжества), и чтобъ при дальнѣйшихъ успѣхахъ нашего оружія противъ Турокъ и соблюденіи Шведами сосѣдственной справедливости—городку, отдаленному до нынѣ отъ большой дороги, существующему лишь пятію Екатеринославскими уздами, сосѣду ссыльнаго и пустыннаго Азова, населявшагося

при Петръ взрослыми дѣтми казенныхъ крамольниковъ Черныхъ, Гладкихъ и другихъ, робящему торговыхъ призраковъ карантинной Керчи—Таганрогу, не предстоялъ тогда первый жребій въ чредѣ государственнаго преобразования и въ узлѣ производительныхъ силъ Россіи. Чтобъ были теперь земля нынѣшняго Донскаго Войска, Сѣверная покатошь Кавказа, Закавказія, Крымъ, Новороссійскій край, Малороссія!!!... Но гдѣ-бы взялъ Петръ матеріалъ для своего сооруженія и силу производительную для мануфактуры государственной? Въ пламенномъ воображеніи преобразователя еще могли носиться въ туманѣ надъ его родиной, тѣни избѣженныхъ Парышкихъ въ сомнѣніяхъ тѣней—стрѣльцкихъ мучениковъ; современники честили Петра довершителемъ въ Россіи начатковъ Іоанна Грознаго; съ другой стороны онъ зналъ, что Юговосточная степь по снѣжный Кавказскій рубежъ и весь Дагестанъ были до нашествія Татаръ, Русской отчпной; Іоаннъ взявъ Казань, Астрахань и Сибирь, велъ Россію путемъ шествія къ намъ невѣрныхъ; Англичане, прежде, вели по Волгѣ знатную торговлю на Западномъ берегу Кас-

пійскаго моря, и Русскіе купцы имѣли въ при-Каспійскомъ Ширванѣ и Крымской Кафѣ, до взятія Крыма Турками, торговлю не мало-важную; Хива и Бухарія и даже Индейскій Моголь—не говоря о Горцахъ и Грузинъ—склонялись предъ Христіанскимъ знаменемъ Московскаго Царя на равнинахъ Астрахани и слали въ Москву пословъ своихъ. Зачѣмъ же было Петру останавливаться?... Но такъ увлекается гений таинникъ и проявитель въ человечествѣ Божественнаго его начала! Государь строилъ корабли и галеры въ Воронежѣ и Брянскѣ, на Великороссійской почвѣ, людьми Великороссійскими; въ войскахъ подъ Азовомъ и въ его артиллеріи, были также Великороссіине, и Донскіе бушты, пзмѣна Мазены, дѣла Войнаровскаго еще не отцвѣтали въ провидящемъ взглядѣ Петра природныхъ чертъ тогдашней за-Украинской плоскости, соединявшейся съ Россіей до Царя Алексѣя, одной родоначальною Святыней на холмахъ Кіева; Петръ не имѣлъ времени узнать, что такое степь, угнетательная для технической способности зндительнаго духа, что такое степнякъ, отъ рожденія лстыивый лукавецъ подъ видомъ простодушія, остроумный

созерцатель своей безпечной природы, что такое кочевикъ—этотъ Славянорусскій полуордынецъ Днѣпровскаго запорожья, живавшій почти весь годъ подъ шатромъ неба съ личной двуличія, съ языкомъ двуязычія—будущій палашный латникъ Русской арміи. Государь судилъ о краѣ по благодатной его почвѣ, и державный съятель семянъ гражданственности неимѣлъ времени увѣряться: можетъ ли когда степь быть споручницей за успѣхъ технического государственнаго устройства, которымъ однимъ Россія создавалась, укрѣпилась и возвеличилась.

Но прежде нежели первый лучъ опыта осветилъ стезю правую, Государь, знавшій Великобританію столько, что на представленіе Витсена въ Амстердамъ, по просьбѣ тамошнихъ Жидовъ, о позволеніи имъ ѣздить къ намъ, селиться и торговать въ Россіи, отозвался: «хотя Жиды и почитаются искусными обманывать весь свѣтъ, но у его Русаковъ, они немногo выторгуютъ»—замѣтилъ уже въ путешествіи съ своимъ чрезвычайнымъ посольствомъ, что ни Черное, ни Каспійское море не достаточно къ удовлетворенію его желанія, что за ними нѣтъ народовъ съ такимъ *жизнемъ*, об-

ращеніемъ и съ такими *обманми*, къ которымъ онъ желалъ приучить свой народъ: все они на Европейскомъ Сѣверозападѣ. О Полякахъ, Польша Возницынъ отзывался, что на нихъ ни въ чемъ нельзя положиться; Французовъ, Государь и тогда, за 116 лѣтъ до 1812 года, уже провидѣлъ и негодовалъ на нихъ за союзъ съ общимъ врагомъ Спасителевой вѣры, котораго они поддерживали противъ возстанія державъ Христіанскихъ, тогда какъ и Персіане, въ слѣдствіе возбужденія Цесаря, пристали къ послѣднимъ; долго даже вѣхать не хотѣлъ во Францію къ Лудовику XIV и наказывалъ строго отправляемымъ въ чужіе края молодымъ людямъ принести въ Россію новыя, добрыя знанія и науки, не перенимать худыхъ обыкновеній, непристойнаго поведенія, пороковъ, особенно же распутства, непотребнаго расточенія, роскоши и презрѣнія къ вѣрѣ отечественной; объ Іезуитахъ, Государь обыкновенно говорилъ: «знаю, что Іезуиты большею частію люди ученые, во многихъ художествахъ искусные и ко всему способные; но не для меня, ибо я знаю также и то, что сколь они ни кажутся набожными, однако же вѣра ихъ

«служить только покровомъ къ обогащенію, «такъ какъ ихъ училища и художества—орудіемъ къ проскамъ, къ услугамъ и выгодамъ Папы, и къ господствованію надъ Государями. Иезуиты не могутъ удержаться, «чтобы не мѣшаться въ государственныя дѣла. «Я удивляюсь, что есть еще въ Европѣ Дворы, «которые не могутъ, или не хотятъ въ сѣвникнуть. Дворы Французскій и Испанскій, при «всей ихъ тонкости, не весьма прозорливыми я «почитаю когда они терпятъ Иезуитовъ, которые какъ въ Европейскихъ, такъ и въ Американскихъ ихъ земляхъ присвоили къ себѣ «столь многія помѣстья, приключили имъ разныя несчастія и въ разныя времена возставали противъ Королей, кои имъ неугождали.» Посему Петръ, классическими землями для народнаго Россіи образованія и образцами для Русскаго Европейскаго правительства, избралъ Курляндію, Бранденбургію, гдѣ Кенигсбергъ былъ первою для него школою, Ганноверъ, Англію, о которой онъ говаривалъ, что это островъ лучшій, красивѣйшій изъ всего свѣта, а подданныхъ Короля иначе не называлъ, какъ рацительными, гдѣ, въ Лондонѣ, Государю весь-

ма многое правилось, особенно-же то, что *нѣтъ въ немъ наружнаго великолѣпія въ людяхъ*, и что *богатые одѣваются просто, но опрятно*; Голландію, гдѣ Государь такъ успешно всему наработался и откуда онъ набрался планами и уставами для многихъ общественныхъ заведеній; Австрію, отъ коей заимствовалъ церемоніальные уставы; Данію, изъ которой поручалъ своему посланнику прислать весь анштаттъ экономіи Государства, такъ какъ Государь слышалъ, что и Шведы отъ нихъ взяли, и достать во всякую Коллегію по достойному члену, а лучше, чтобы оны были не старыхъ лѣтъ, дабы — продолжать Государь, въ письмѣ къ Ягужинскому—могли Россійскому языку удобнѣе научиться, заключая письмо такъ: «а безъ того, по однимъ книгамъ, нельзя будетъ дѣлать; ибо всѣхъ circumstanцій никогда не пишутъ...» и частію Венецію, изъ которой, также, кой чѣмъ позаимствовался.

Пробывъ въ путешествіи съ посольствомъ съ Апрѣля 1697 года, когда оно проѣзжало чрезъ Ригу, до 19 Августа 1698 года, когда Петръ явился на границу, отъѣхавъ изъ Вѣны повозку въ Венецію, Римъ и Парижъ—Го-

сударь видѣлъ, что заведенная имъ машинна взяла ходъ свой: иностранцы разохотились служить въ Россіи и желающихъ за границей оказывалось болѣе надобности; одинъ корабль изъ Пилау, другой—построенный въ Голландіи самимъ Петромъ и дворянами (Петръ и Павелъ), третій—подаренный ему Англійскимъ Королемъ, повезли въ Архангельскъ и Нарву нанятыхъ за границей людей, арсенальные запасы, техническіе, математическіе, механическіе инструменты, скопленную въ чужихъ краяхъ Кувсткамеру и образцы всякаго рода художествъ; въ Амстердамъ, чрезъ Петра, завелась Русская купеческая факторія, которою, въ послѣдствіи, управлялъ комиссаръ Соловьевъ; приговоренный Государемъ Голландецъ учредилъ тамъ же Русскую типографію и получилъ отъ него привилегію дѣлать, печатать и продавать въ Россіи, всякіе эстампы, планы и книги на Русскомъ языкѣ; Лордъ Кармартенъ, Англійскій адмиралъ, взялся торговать табакомъ въ Россіи—не въ Малороссіи, которая осталась на своихъ правахъ; тунейцы боярскіе люди и холопья, обременявшіе города, начали набѣгать во множествѣ въ Государеву

службу безъ опасенія наказанія за свои вины; открыть рекрутскій наборъ, и на первый разъ набрано 32,032 человека, на 29 полковъ пѣхоты и конницы, и всѣ одѣты по Нѣмецкому образцу; Шведскому Резиденту, на его удивленіе о семъ, ответствовано, что по роспущенной Стрѣльцовъ у насъ неосталось никакой пѣхоты, а безъ оныя Государство обойтись не можетъ. Государь велѣлъ подданнымъ брить бороды и носить Европейское платье, и на ослушниковъ, по обычаю Русскому, наложилъ пени; купцамъ приказалъ торговать по примѣру иностранцевъ, компаніями; запретилъ жалованныя за службу вотчины отдавать, по душѣ, въ монастыри; повелѣлъ за ложную присягу казнить смертію; въ Кенигсбергѣ заключилъ договоръ о транзитной торговлѣ Прусскихъ подданныхъ, чрезъ Россію, съ Персіей и Китаемъ, и о торговлѣ Рускихъ въ Мемель, Кенигсбергъ, Берлинъ и иныхъ; далъ свободу шестерымъ Армянамъ, по заключенной съ симъ народомъ конвенціи, производить въ Москвѣ торговлю; получилъ предложеніе отъ одного иностранца объ отдачѣ ему на откупъ рыбнаго въ Россіи промысла; смѣнилъ Нѣмецкаго инженера Баклера съ ра-

боты канала между Дономъ и Волгою, такъ какъ по худому его распорядку — работами должны были остановиться, и на его мѣсто опредѣлилъ нанятаго въ Англии, по рекомендаціи Кармартена, Инженеръ - Капитана Яна Перри, которому далъ 12 тысячъ рабочихъ изъ войска (1698); отмѣнялъ, первый, церемоніалы въ посольскихъ приѣмахъ; запретилъ простымъ людямъ и служивымъ носить богатое платье; пресѣкъ безпорядки и грабительство Архіерейскихъ служекъ, и запретилъ строить монастыри безъ указа.

Между тѣмъ Государь въ бытность за границей всюду честимый, всѣмъ для Преобразованія Россіи вспомошествоваемый, и любимый и владѣтелямъ и подданными и людьми всѣхъ сословій, вскорѣ замѣтилъ, что хотя Австрійскія и Русскія войска продолжаютъ съ успѣхомъ дѣйствовать противъ Турокъ; но по мѣрѣ какъ самъ онъ заботится усиливать способы для общаго возстанія на Оттомановъ — дружественныя съ нимъ Государства, тѣ самыя, кои для личныхъ выгодъ вовлекли его въ Турецкую войну, не только отказали въ просимомъ имъ, отъ нихъ, вспоможеніи, но и примѣръ: Гол-

ландскіе Штаты; но не предупредивъ его, начали дѣлать зампренія: сперва Голландія помирилась съ Франціей, дружественной съ Турками и Татарами, потомъ пристала къ ней Англія и наконецъ Австрія, обещавъ не дѣлать Протестантскими тѣхъ кирокъ, которыя были обращены въ Католическія. Государь заставилъ Польскій Сеймъ признать Королемъ Польши взысканнаго имъ Саксонскаго Курфюрста Августа, и недопускалъ на Польскій престолъ призваннаго на оный, по просякамъ Франціи, ея Принца де-Конти и просилъ Датскаго Короля не пропускать его чрезъ Зундъ; но Конти съ своимъ флотомъ покойно проѣхалъ проливомъ, и его сторону уже поддерживали и Шведы; наконецъ Турки начали открыто искать мира съ Цесаремъ, а это было прямо противъ Государева желанія, который намѣревался довести ихъ и Татаръ до несостоянія впредь и вредить Христیانамъ. Петръ старался отклонить отъ сего Австрійцевъ, возбуждалъ Венецію къ ослабному продолженію войны и писалъ къ Польскому Королю, изъявляя надежду и на его дѣйствія противъ Турокъ. Но Австрійцы, по сильному вліянію Франціи, не смотря ни на

что, явно обнаружил склонение къ миру, ссылаясь на безчисленныя издержки въ продолженіе 15 лѣтней войны и открыли съ Турками переговоры безъ согласія Государева, при посредничествѣ Голландскихъ Штатовъ. Петръ спрашивалъ Цесаря : на какихъ условіяхъ онъ хочетъ мириться съ Портою? Цесарь, въ отвѣтъ, отвелъ отъ себя личное исканіе мира; назначилъ конгрессъ и отъ насъ вручилъ Цесарскому канцлеру ноту, требуя удержанія за союзниками всего завоеваннаго ими и присоединенія къ Россіи, Керчи. Англійскій посоль възвися за своего Короля, что онъ, въ бытность нашего Государя въ Англіи, не говорилъ ему о своемъ посредничествѣ въ мирѣ, и мы открыли съ своей стороны переговоры съ министрами Австрійскими, въ Вѣнѣ; но какъ, между тѣмъ, Австрійцы, тайно отъ союзниковъ, уже постановили съ Турками перемиріе, то наши, оставя Австрійцевъ, обратились на конгрессъ прямо къ Турецкимъ министрамъ и вопреки желанію посредствующихъ державъ, особенно Англіи, постановили съ Турками и Крымцами соглашеніе на двухгодичное перемиріе, и 25 Декабря 1698 года заключили о томъ, въ

Карловичѣ, трактатъ. Петръ давно былъ въ Россіи, и посоль нашъ окончивъ это дѣло, пріѣхалъ чрезъ Вѣну и Лифляндію, въ Москву, а оттуда отправился къ Государю въ Азовъ. Но Государь продолжая съ однакою ревностію устроиваться на Югъ, нетерпѣливо хотѣлъ знать : утвердятъ ли Турки, за Россіей, постояннымъ миромъ, все завоеванное нами въ томъ краѣ, или по окончаніи перемирія, надобно готовиться къ продолженію войны, въ чемъ тѣмъ нужнее было удостовериться, чѣмъ болѣе Короли Датскій и Польскій настаивали о союзѣ съ нами по поводу коварныхъ намѣреній Швеціи и противной Королю Августу Польской партіи. Посему 8 Апрѣля 1699 года Государь назначилъ къ Султану чрезвычайное посольство, и 14 Августа отправивъ въ Цареградъ посла изъ Таганрога моремъ, на своемъ флотѣ, проводилъ его самъ до Керчи и приказалъ вести исправный журналъ пути отъ Азова до Константинополя, а на капитана фрегата возложилъ снять карту Черному морю, берегамъ его и въѣзду въ Константинополь, которая и издана въ томъ же году въ свѣтъ вмѣстѣ съ другими 17 картами теченію Дона отъ Воронежа до устья,

каналу между Дономъ и Волгою или рѣчками Камышенкою и Илавою; подъ собственнымъ же смотрѣніемъ Государь повелѣлъ Крейцу сочинить карту Азовскому морю.

Какъ-же бы сблизиться съ Сѣверозападными Европейцами, которые по признанію Петра и жили какъ надобно, и обращались какъ должно, и имѣли обычаи, къ которымъ Государю желательно было приучить свой народъ? Для сего нужно бы имѣть къ нимъ ближайшій путь черезъ Балтійское или Варяжское море!... Но съ нимъ Россія раздѣлялась и въ то же время связывалась, древней отчиной Пскова и Новгорода—приморскими западными провинціями; а на эту провинцію Царь Михаилъ купилъ отъ Шведовъ, Столбовскимъ миромъ, спокойствіе Россіи, для лучшей управы съ Поляками и утвержденія на Московскомъ престолѣ своего рода. Кроме того, въ слѣдствіе возобновленныхъ Шведами въ 1656 году непотовствъ до Гдова, заключенъ съ Швеціею, на основаніи Столбовскаго мира, въ 1662 году, 20 лѣтній мирный трактатъ; а сей трактатъ Царевна Правительница, въ 1682 году постановила вѣчно, и его самъ Петръ и

всѣ подтвервали со всеми обрядами. Какъ же нарушить оный?... Хотя Государь, въ проѣздѣ за границу съ чрезвычайнымъ посольствомъ, имѣлъ отъ Рижскаго генераль-губернатора, большое оскорбленіе и подвергался опасности, отъ чего долженъ былъ выехать изъ Риги тайно; хотя отъ настоятельнаго протеста пословъ на генераль-губернатора ко всемъ Европейскимъ Дворамъ и даже Шведскому посланнику въ Амстердамъ, ничего не вышло, и по жалобѣ Русскихъ купцовъ на Рижскихъ, которые купя пеньки на 10,064 ефимка, нѣсколько лѣтъ не платили денегъ, и наши не могли сыскать на нихъ управы (каковая жалоба отослана отъ пословъ къ губернатору), удовлетворенія купцамъ не слѣзано; хотя Англійскій Король, въ бытность у него Государя, безъ утайки совѣтовалъ ему на возвратномъ пути въ Россію не ѣздить черезъ Швецію, предупреждая о великой, тамъ, для особы его опасности, и Шведскій резидентъ при нашемъ Дворѣ позволилъ себѣ весьма сильныя и смѣлыя выраженія, спрашивая, для чего заводятъ въ Россіи регулярныя полки, какихъ прежде не бывало и когда со всеми сосѣдями миръ, прибавя, что его Король не мо-

жегъ взирать на сіе равнодушно . . . по все это происходило не лично отъ Шведскаго Короля — отъ его доверенныхъ; самъ же Карлъ XI, въ Апрель 1697 года умеръ, а воцарившійся Карлъ XII, въ Октябрь того же года, послалъ съ своимъ придворнымъ въ Москву, къ Царю, въ знакъ добраго своего пріятства и для общаго всему Христіянству добра, къ приготовленію Черноморскаго флота, подаренныя Петру покойнымъ Королемъ, 300 пушекъ. Между тѣмъ тотъ же Карлъ добротствовалъ вмѣстѣ съ Султаномъ, Принцу де-Конти въ достиженіи Польской короны. Хотя полномочный министръ Шведскій въ Гагъ увѣрялъ нашихъ пословъ, что его Король не согласится на вспоможеніе сему Принцу и тѣмъ мирнаго согласія съ Царемъ и дружбы не нарушатъ; но въ самомъ дѣлѣ выходило напротивъ: де-Конти, не взирая на большую силу поддерживаемаго Петромъ, Августа, гласно грозилъ привести въ помощь съ Французами и Шведовъ. Въ то же время Государь получилъ прямо отъ Карла XII, два письма, одно покойнаго отца его, писанное незадолго до смерти, съ изъявленіемъ удовольствія о побѣдахъ

Государи надъ Турками и о вспоможеніи его посланнику въ прозѣздъ чрезъ Россію, въ Персію, и другое—отъ самаго Карла XII съ объявленіемъ о смерти отца, возшествіи своемъ на престолъ, объ управленіи Королевствомъ до его совершеннолѣтія, его бабкою съ пятью совѣтниками и о намѣреніи продолжать съ Петромъ содѣятвенную дружбу по мирному заключенію съ покойнымъ Королемъ. Медленность въ доставленіи обихъ писемъ, которыя были въ дорогѣ съ Февраля и Апрѣля по Ноябрь, конечно не доказывала особеннаго уваженія Шведскаго Короля съ особъ Русскаго Царя; но это, какъ и прежніе случаи, могли произойти отъ замѣшательства по поводу смерти Карла XI, малолѣтнѣй, невходившій въ дѣла Карлъ XII, могъ не знать о нихъ; а правившіе Королевствомъ могли не сдѣлать удовлетворенія и по неустройствамъ, и по несогласіямъ во мнѣніяхъ, и по раздѣленію на партіи. Почему Государь замѣчая только и держа про себя поведеніе къ нему Швеціи, приказалъ отвѣчать Карлу на письмо его учтивѣйшимъ образомъ и увѣдомивъ при томъ, что изъ Россіи посланы люди въ Шведскіе города Нарву, Ревель и др:

для найма въ Русскую службу капитановъ, шкиперовъ, штурмановъ и матросовъ опытныхъ, просилъ повелѣть Шведскимъ управителямъ помочь имъ въ томъ; на слѣдующую же весну Государь велѣлъ заказать въ тѣхъ же мѣстахъ или въ Стокгольмѣ, или гдѣ удобнѣе, 288 чугунныхъ пушекъ. Съ Турками и Татарами еще продолжалась сильная война, и не окончивъ ее, начинать другую, было бы не согласно съ мудростію Государя, хотя обстоятельства къ тому уже сближались.

Наконецъ, пробилъ для Шведовъ часъ воли Божіей, и слово Государя въ Ригѣ съ посольствомъ не даромъ молвилось: «Они не хотятъ, сказалъ Петръ въ началѣ 1697 года «чтобы увидѣлъ я укрѣпленія Риги. Я надѣюсь некогда оныя увидѣть съ меньшимъ для себя затрудненіемъ и отказать Шведскому Королю въ томъ, въ чемъ нынѣ отказывается мнѣ Далбергъ (Рижскій генералъ-губернаторъ).»

Петръ отменивъ, какъ выше сказано, поѣздки въ Венецію, Римъ и Францію по случаю новаго возстанія Стрѣльцовъ, въ слѣдствіе котораго онъ рѣшался было казнить затворницу Новодѣвичьяго монастыря и посадилъ на

всегда въ Суздальскій монастырь первую свою жену, при чемъ были казнены многіе изъ духовныхъ и 1785 Стрѣльцовъ — захватъ, на обратномъ пути въ Россію по сему дѣлу, къ Польскому Королю Августу посмотреть эскерцію Саксонской конницы и пѣхоты. Въ это время Августъ, вмѣстѣ съ Датскимъ Королемъ Христіаномъ V, искали дѣятельно союзниковъ противъ Швеціи, первый, чтобъ для лучшаго утвержденія въ Польшѣ занять Поляковъ противной партіи, внѣшнею войною и завоевать отъ Шведовъ Лифляндію, некогда подвластную Польшѣ; а послѣдній, чтобъ отнять у родственника Карла XII, Голштинію и присоединить ее къ Даніи. Петръ отнюдь не намѣревался тогда вступать въ новую войну со Швеціей, однако же видя изъ хода дѣлъ своего заграничнаго посольства, что союзники могутъ оставить его одного въ войнѣ съ Турками если онъ, по примѣру ихъ, съ ними не замрится—послѣ сего свиданія съ Августомъ, настроиваннымъ во всемъ депутатомъ Лифляндіи, ревностнымъ мстителемъ Швеціи, приговореннымъ въ оной къ казни, знаменитымъ Паткулемъ, не могъ не взять пныя мысли, болѣе утѣшитель-

ныя для преогорченнаго чувства его объ отторженных Шведами Россійскихъ провинціяхъ Ингерманландской и Ижорской съ ихъ городами, чѣмъ мы были удалены отъ Балтійскаго моря и лишены сообщенія съ Европой посредствомъ морской торговли, для коей тогда оставался намъ одинъ Архангельскій портъ, мало способный по дальнему объезду вокругъ Норвегіи и Лапландіи и по множеству льдовъ, всегда на этомъ пути плавающихъ, тѣмъ болѣе, что Шведы отвлекли и Архангельскую торговлю къ своимъ Балтійскимъ портамъ Нарвскому и прочимъ.

По окончаніи Стрѣлецкаго бунта, когда Петръ ревностно продолжалъ свои хозяйственныя дѣла на Югъ, возвращавшійся къ нему изъ за-границы съ Карловичскимъ трактатомъ, посоль, провзжая чрезъ Лифляндію, былъ ограбленъ тамошними подводчиками и по просьбѣ его, мѣстное начальство ничего не отыскало; однако пріемъ послу въ Ригъ, отъ генераль-губернатора, сдѣланъ несравненно лучший прежняго. Между тѣмъ въ Москву прибыли послы отъ Карла XII съ подтвердительною грамотою на Кардинскій мирный

трактатъ и Плюсское совершеніе, съ требованіемъ отъ Государя таковаго же на миръ подтвержденія. Видя при Дворѣ Польскаго Генераль-Маіора Карловича и Паткуля, тогда же пріѣхавшаго, послы уже проникали въ намѣренія Петра, и тѣмъ сильнѣе настаивали о подтвержденіи Кардинскаго мира по тогдашнему обыкновенію, присягою царскою. Наши министры, не отрицая подтвержденія, требовали прежде удовольствія отъ Шведовъ въ нанесенномъ безчестіи и обидѣ великимъ Россійскимъ посламъ и самой особѣ Государевой въ Ригъ, отъ Далберга. Шведы объявили, что на сіе не имѣютъ указа и потребовали изложенія претензій на бумагахъ для донесенія объ нихъ Королю. Наши министры исполнили сіе немедленно съ прошеніемъ скораго удовольствія, *дабы тѣмъ древняя дружба нарушится не могла*, и вручили посламъ объясненія:

1. О всѣхъ поступкахъ Далберга съ чрезвычайными послами и съ самимъ Государемъ, когда самая жизнь его была въ опасности.

2. О жалобѣ посла о покраденныхъ вещахъ, по которой отъ Далберга не получено ни какого удовольствія.

3. О многократных жалобах директора Россійскихъ почтъ на Рижскаго почтъ - директора, о задерживаніи и распечатываніи проходящихъ чрезъ Ригу, изъ чужихъ краевъ, писемъ, по коимъ то же никакого удовольствія не сдѣлано.

4. О жалобахъ многихъ Русскихъ купцовъ и живущихъ въ Россіи Нѣмцевъ, на Рижскихъ мѣщанъ въ задержаніи за товары денегъ, которыхъ, они, по многимъ просьбамъ не отдаютъ и удовольствія не дѣлаютъ, и еще вмѣсто того Шведскіе судьи называя Рускихъ собаками, приказываютъ выталкивать ихъ безчестно изъ присутственныхъ мѣстъ, заключая всѣ сіи объясненія словами : « того ради, вы-«шеписаннаго Кардинскаго мира и Плюска-«го совершенія и Московскаго постановленія, «Великій Государь Его Царское Величество, «при нихъ Шведскихъ полномочныхъ послахъ, «на королевской, присланной съ ними под-«твердительной грамотъ, подтвердить и за-«крѣпить неизволилъ, дондеже на всѣ тѣ оби-«ды и кривды сатисфакція учинится.» Како-«вья слова и самъ Государь подтвердилъ посламъ на отпускной аудіенціи, сказавъ : коль скоро требуемое удовольствіе Король окажетъ, то

пришлется къ нему съ обыкновенною ратификаціею великое посольство; въ противномъ случаѣ, онъ, Царь, принужденъ будетъ принять инья мѣры. Къ сему Государь прибавилъ, что-бы Король, для торговли его подданныхъ уступилъ ему городъ Нарву или Нейшанецъ съ окружною землею, обшая за то Шведской Коронѣ особое удовлетвореніе. Съ отвѣтною же грамотою и поздравленіемъ Карла XII съ возшествіемъ на престолъ, тогда же отправленъ отъ насъ нарочный.

Еще при вшествіи въ Москву Шведскаго посольства нашлись въ народѣ прорыкатели скорого военнаго пламени, потому что отъ пускаемыхъ въ честь пословъ ракетъ, сдѣлался въ городѣ пожаръ, который продолжаясь цѣлыя сутки, обратилъ въ пепель болѣе 5 тысячъ домовъ съ торговыми рядами, множествомъ церквей и монастырей. При выѣздѣ того же посольства, маршалъ его убилъ въ Москвѣ чело-«вѣка резидента Берлинскаго Двора.

Государь долго ожидалъ отъ Шведскаго Короля удовлетворенія, и не получая даже отвѣта на свою грамоту, возобновилъ претензіи и протесты: напоминалъ о семъ Шведскому Двору и

чрезъ резидента его и чрезъ своихъ при чужестранныхъ дворахъ министровъ, представляя въ случаѣ неудовольствія, могущія произойти отъ того злыя послѣдствія; просилъ быть посредниками въ склоненіи Карла XII и Короля Прусскаго и Генеральные Штаты Соединенныхъ Нидерландовъ; но все тщетно, какъ въ 1700 году Шведскій Король, бывъ со всехъ сторонъ убѣждаемъ къ удовлетворенію Петра, далъ ему отвѣтъ, что его Рижскій генералъ-губернаторъ ни въ чемъ не виноватъ и приносящая на него жалоба сколько неосновательна, столько и несправедлива; въ требованіи же Государевомъ пристани на Балтійскомъ море *конечно* отказалъ.

Нужно ли было болѣе, чтобъ почестъ миръ Швеціи съ Россіей нарушеннымъ самимъ Карломъ, и такъ кстати, и такъ во-время, тѣмъ болѣе, что тогда же открылись многія Шведскія интриги, коими онъ всячески старался не допустить Порту до заключенія съ нами мира. Кроме того Петръ уже шесть лѣтъ имѣлъ въ памяти своей послѣднюю просьбу Рускихъ, оставшихся въ городахъ, отшедшихъ отъ насъ въ Шведское владѣніе, въ коей они изъ-

яснили, что тѣ старинные прадѣдовъ Великихъ Государей города: *Ивань* съ корабельною пристанью, *Ямы* на рѣкѣ Лугѣ, *Копорье* при морѣ, *Орпихенъ* на Ладожскомъ озерѣ, *Кашчи* на Невѣ, *Корела* на рѣкѣ Волкѣ, Князь Михайло Васильевичъ Шуйскій-Скопиннъ заложилъ Шведскому Королю Карлу XI на урочныхъ лѣтахъ, въ уплату за наемное Шведское войско, что срокъ закладу прошелъ, а имъ отъ Шведовъ тягостно и разорительно: они берутъ отъ нихъ по три рубля и больше въ годъ съ дыму, вымогаютъ правожемъ большихъ поборовъ, многихъ замучили до смерти, и жены съ дѣтми несчастныхъ померли голодною смертію, что тѣ Великихъ Государей прадѣдовскія, некончившія вотчины, по истеченіи урочныхъ лѣтъ, отданы Шведамъ Василюмъ Голлицынымъ; но что они православные Христіане живутъ въ великомъ отъ Шведовъ угнѣщеніи, поруганіи и мученіи, что ихъ всѣхъ 4,500 человекъ и они просятъ освободить ихъ изъ подъ Шведскаго ига и перевести въ Олонекія, Новгородскія и Псковскія страны, дабы имъ съ женами и дѣтми, отъ Шведскаго мученія всѣмъ непогибнуть. По всѣмъ

спмъ обстоятельствамъ, Государь приступилъ къ союзу съ Королями Датскимъ и Польскимъ, которые незадолго предъ тѣмъ уже заключили, тайно, взаимный договоръ противъ Шведовъ и объявили ему, что войну на Карла XII открыли. Государь, однако, условился съ ними, чтобы ему начинать дѣло не прежде какъ по заключеніи мира съ Турками. Но послѣдніе вмѣстѣ съ Татарами сдѣлали незадолго предъ тѣмъ нападеніе на крѣпость Асланъ-Керменскую, и это давало сомнѣніе въ успѣхъ нашихъ переговоровъ съ ними; почему Государь, чтобъ приготовить къ войнѣ съ Турками въ случаѣ если они разорвутъ миръ, велѣлъ въ Августѣ 1699 года набрать новую знатную армію съ духовныхъ и свѣтскихъ помѣстій, изъ дворовыхъ людей; а съ владѣльцевъ, копъ сами въ военной службѣ — взять деньгами. Отъ сей повинности натурою или деньгами не были изъяты на этотъ разъ ни тѣ, кто находился въ ученѣхъ въ чужихъ краяхъ, на воеводствахъ, въ приказахъ у дѣлъ, ни вдовы съ недорослями и дѣвцами, ни Сибирскій и Астраханскій Митрополиты, ни близкіе Государевы люди, ни даже приписанные къ желѣзнымъ заводамъ

инострanceвъ. Изъ набранныхъ сформировано 18 полковъ пѣхотныхъ и два конныхъ и по указу Государя, все судьи, дворяне и ихъ дѣти, для приготовленія себя къ тому же, должны были ѣздить разъ въ недѣлю смотреть на обученіе ихъ на Преображенскомъ Дворѣ. Въ Декабрѣ уже было приказано всемъ царедворцамъ быть готовыми къ походу на Турецкія границы; а на тѣхъ, кто служить не пожелаетъ, наложена плата въ казну деньгами, и тогда же для приученія подданныхъ къ военному пламени и упражненія ихъ въ ономъ, Государь ввелъ публичные потѣшные фейерверки.

Сверхъ ожиданій, дѣло съ Турками кончилось иначе. Хотя Крымскій Ханъ потерявъ Азовъ и бывъ, такъ сказать, запертъ на своемъ полуостровѣ, старался всеми силами не допустить Порту до заключенія мира и подстрѣкалъ Султана, что Русскій Царь, перемѣняя древніе обычаи, порядки и самый будто законъ своего народа и учреждая все на Нѣмецкій манеръ, заводитъ по Нѣмецкому же порядку новую армію, которая весьма многочисленна, строитъ (невзирая на двухлѣтнее перемѣріе) флотъ, го-

рода и крепости, залагаетъ новыя на Дибяръ и другихъ рѣкахъ, и не имѣетъ наклоности къ миру; что Султанъ долженъ наблюдать дабы Рускіе непривели Порту въ крайнее опасеніе, и если оны продолжатъ войну, то Царь, по сдѣланной въ законъ перемѣнѣ*, будетъ оставленъ своими подданными;—хотя Султанъ удостовѣряетъ въ строеніи сильнаго флота и крепостей, низвергъ верховнаго визиря, настояннаго о мирѣ съ Россіей, и Шведскія интриги едва не довели его до разорванія сего мира; однако стараніемъ нашего посла и чрезъ посредство Англійскаго и Голландскаго министровъ, 3 Іюня 1700 года миръ съ Портою заключенъ на 30 лѣтъ, по коему Азовъ съ принадлежащими къ нему старыми и новыми городками и землями остался вѣчно за Россіей; а взятыя отъ Турокъ крепости постановлено разорить и земли возвратитъ Портъ; но на оныхъ впредь никакому строенію, ни жилищу не быть, и такимъ образомъ, Петръ, освободясь отъ Турокъ, на другой же день послѣ великаго торжества мира, объявилъ Шведамъ войну, и велѣлъ Шведскому резиденту выѣ-

хать въ теченіе мѣсяца изъ Москвы и изъ Россіи, а къ Русскому резиденту въ Стокгольмъ послалъ указъ: учиня декларацію со всеми обстоятельствами и причинами той войны, прибыть въ Россію; всѣмъ же министрамъ своимъ при другихъ иностранныхъ Дворахъ, особливо въ Гагъ, повелѣлъ также объявить какъ Генеральнымъ Штатамъ, такъ и прочихъ нейтральныхъ областей министрамъ о побудительныхъ къ начатію войны причинахъ, съ тѣмъ однакожъ, что Государь готовъ утвердить и миръ, если Шведскій Король: 1, учинитъ ему полное удовольствіе за сдѣланныя особъ его и посольству и особенное послу его, въ Ригѣ, безчестіе и обиду; 2, уступить ему за присвоенные несправедливо Швецію, принадлежавшіе издревле Россіи города и земли, одну Нарву съ окружною землею, гдѣ бы оны могъ учредить торговый портъ, за что Государь обещалъ сдѣлать Швеціи особое удовлетвореніе и 3, учинитъ союзникамъ его, въ праведныхъ ихъ претензіяхъ, удовольствіе.

Укоризненно для Карла XII мнѣніе, содѣянное имъ надъ чиновниками Русской миссіи и нашими купцами и людьми ихъ въ Стокголь-

* Голицынь. Второго изданія Томъ II, стр. 13.

мъ, коль скоро дошло до него объявленіе войны отъ Двора Россійскаго. Нашъ министръ тотчасъ арестованъ, лишень служителей, его имѣнія отнято и серебряная посуда отдана на монетный дворъ для передѣлки въ деньги; также сдѣлано съ секретаремъ нашего посольства и со всѣми его служителями; а купцы и ихъ люди не только заарестованы и лишены имѣнія, которое забрано на Короля, но употреблены въ тяжкія работы и почти весь окончили жизнь свою въ темницахъ. Кромѣ того, прославляемый героемъ Сѣвера, въ своихъ объявленіяхъ о войнѣ къ иностраннымъ Дворамъ, употребилъ объ особѣ Царскаго Величества самыя обидныя выраженія, называя Петра въроломнымъ непрітелемъ, и отвергнувъ съ презрѣніемъ не только его предложенія, но и соглашенія посредствующихъ державъ. Огорченіе Государя за сей поступокъ было также неописанно: когда Англійскій и Голландскій министры хотѣли отвратить его отъ войны—Петръ вынулъ изъ ноженъ шпагу свою и заклился не влгаты оной въ ножны, доколь не отомститъ непрітелю за себя и за своихъ союзниковъ, и если ихъ державы вздумаютъ въ

томъ пренятствовать ему, то онъ не только пресечетъ съ ними всякое сообщеніе, но и удержитъ у себя всѣ имѣнія ихъ подданныхъ, находящихся въ Россіи.

Нетерпѣніе Государя начать военныя дѣйствія было столь велико, что онъ на другой же день послѣ деклараціи, выступилъ въ походъ съ 8,000 солдатъ на подводахъ, хотя время было позднее: 22 Августа. По прибытіи въ Новгородъ отправилъ подъ Нарву шесть полковъ, а самъ съ гвардією явился туда 23 Сентября и велѣлъ дѣлать апроши и батареи. Октября 14 подошло къ нему 5,000 нерегулярной конницы и остальные полки дивизіи Головина. Эта конница отправлена по дорогѣ къ Ревелю для наблюденія за непрітелемъ и разбила подъ Нарвою небольшую его партію. Нарва, между тѣмъ, отъ бомбъ и ядеръ пришла въ страхъ; но чтобъ взять ее, у насъ неостало ядеръ и пороху, и при томъ нашъ бомбардирскій капитанъ, Шведъ, ушелъ къ непрітелю и открылъ ему состояніе Русской арміи. Ноября 18 Государь поѣхалъ наскоро въ Новгородъ, чтобъ доставить къ Нарвѣ остальные полки, снаряды и провіантъ; въ его отсутствіе между командо-

вавшими произошло несогласіе въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ; извѣщенный обо всемъ этомъ бѣглымъ капитаномъ, Карлъ XII прибылъ въ самый день Государева отъѣзда, съ 18 тысячами отборнаго войска, и пользуясь неопытнымъ устройствомъ нашей боевой линіи, поставленной въ одного человека разстояніемъ одинъ отъ другаго на сажень и болѣе, и готовностію Герцога Кроа отдаться Шведамъ на паролъ, опрокинулъ и прогналъ всѣ, стоявшіе впереди наши полки, при помощи сильнаго вѣтра со свѣгомъ, дувшаго намъ въ лицо, и отъ бѣгства нашей необученной кавалеріи, которая бросилась впасть чрезъ рѣку Нарву. Но наша гвардія приняла непріятеля храбро, и невзирая на его устремленія, удержала свою позицію. Шведы изъ опасенія быть разбитыми, дали знакъ своимъ—къ отступленію, намъ—къ примиренію; мы предложили удержать оружіе и на слѣдующій день, потребовали свободнаго отступленія войска и постановили о семъ тогда же договоръ, который былъ подтвержденъ публично самимъ Еоролемъ, и въ соблюденіи его онъ далъ руку Князю Долгорукову. Но лишь полки, остановившіе побѣду Шведовъ, перешли за рѣ-

ку, а остальные начали слѣдовать сквозь непріятельское войско, какъ Шведы внезапно на нихъ напали, принудили положить оружіе, отняли знамена, и безоружныхъ отпустили за рѣку; другіе же кинулись на нашъ обозъ, грабили его и здирали даже съ солдатъ самое платье. Все это произвело большое замѣшательство, и Шведы многихъ нашихъ побили и потопили, а всѣхъ генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ взяли въ плѣнъ, и обобравъ, заперли въ Нарвѣ въ нетопленную комнату, оставивъ на цѣлый день безъ пищи, и потомъ отослали въ Ревель, а оттуда въ Стокгольмъ, гдѣ, въ триумфѣ, вели ихъ пѣшкомъ до назначенной каждому тюрьмы. Карлъ XII возмнивъ, что уже совсемъ побѣдилъ Россію, обратился съ болѣею частію войска въ Ригу, и возбуждая Рускихъ изданнымъ универсаломъ къ бунту противу Петра, требовалъ отъ нихъ безпрекословнаго послушанія его повелѣніямъ и провіанта, обещалъ за то свою королевскую милость, и описывалъ съ поношеніемъ жестокости Государя, грозилъ, если повелѣнія его преслушаютъ—истребить всѣхъ огнемъ и мечемъ. Но Петръ, спѣшнѣй въ

это время изъ Новгорода подъ Нарву съ 12 тысячами новаго войска, аммуниціею, снарядами и провіантомъ, судилъ о происшествіи иначе. Въ журналѣ Государя, направленною его собственною рукою написано: «И такъ надъ нашимъ войскомъ Шведы вѣкторію получили, что есть безспорно; но надлежитъ разумѣть: надъ какимъ войскомъ оную получили? Ибо одинъ только старшій Лефортовскій полкъ былъ, да два полка гвардіи были столько у Азова; а полевыхъ боевъ, паче же съ регулярными войсками, никогда невидали; прочіе же полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые самые были рекруты. Къ тому жъ за позднимъ временемъ и за великими грязями и провіанта доставить не могли, и единственнымъ словомъ сказать, казалось все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида, то какое удивленіе, такому старому, обученному и практикованному войску надъ такими неискусными сыскать вѣкторію.» Народъ, однако, пришелъ въ уныніе, приписывая побѣду Шведскому чародѣйству. Государь поручилъ Шереметеву Новгородскую и Чер-

каскую конницу и все войско, и велѣлъ ему идти безотговорочно въ даль подъ Псковъ и неуспѣшно искать и вредить неприятелю, такъ какъ рѣки и болота замерзли и неприятель насъ незахватить; Князю Рѣпинцу приказалъ въ продолженіе зимы обучить въ Новгородѣ новые полки, самъ же съ гвардіею отправился въ Москву, собралъ со всехъ большихъ монастырей и съ церквей по городамъ, часть колоколовъ, отлилъ изъ нихъ 100 большихъ, 143 полевыхъ пушекъ, 12 мортиръ и 13 гаубицъ: каковая артиллерія въ томъ же году отправлена къ Новгороду, и приказалъ Казанскому и Астраханскому генералъ-губернатору набрать вновь въ низовыхъ городахъ десять драгунскихъ полковъ, и въ Новгородѣ — два полка, опредѣливъ командирами во все полки, кромѣ послѣднихъ, вмѣсто Нѣмцевъ, Русскихъ дворянъ.

Зимою 17²⁰/₀₁ года, Шереметевъ произвелъ въ Лифляндіи, набѣгами нерегулярныхъ войскъ, большія разоренія и побѣлъ и взялъ въ плѣвъ многихъ неприятелей. Государь, между тѣмъ, отправляя своего посла въ Данію, послалъ съ нимъ немалое число дворянскихъ дѣтей, дабы

они въ путешествіи томъ увидѣли обращеніе иностранцевъ и получили изъ того для себя и отечества изкую пользу; Шереметеву далъ судью воинскихъ дѣлъ, Стрѣшневъ «чтобъ по крайней мѣрѣ, должность отечества и честь чина исправить потщились» и потомъ ѣздилъ въ Польшу для свиданія съ Королемъ Августомъ, обязавшись дать ему въ помощь 200 тысячъ сѣмковъ и отъ 15 до 20 тысячъ своего войска, чтобъ оно могло скорѣе обучиться при старомъ Саксонскомъ.

Карлъ зимовалъ въ Дерптѣ, укомплектовалъ свою армію до 25 тысячъ и весною, оставивъ подъ Дерптомъ часть изъ оныхъ, самъ съ остальными обратился на Саксонцевъ, стоявшихъ за Двиною, на берегу рѣки, между тѣмъ какъ Шведское войско, въ Митавѣ, разорило Польскіе магазины, овладѣло королевскою канцелярією и взрубило тамъ же всѣхъ Польскихъ офицеровъ больныхъ и раненыхъ. Карлъ, овладевъ всею Курляндіей, ринулся со всею войскою сперва въ Митаву, а потомъ въ Польшу, раздѣленную на двѣ партіи, желая болѣе всего свергнуть съ престола Августа, и потомъ обратиться всю силу на Россійскаго Монарха. Но

Петръ тогда занимался обозрѣніемъ всего, устрояемаго и заводимаго имъ къ пользѣ отечества, заботился объ истребленіи въ Лифляндіи остальныхъ Шведскихъ силъ и объ отобраніи отъ нихъ городовъ по непреложному намѣренію устроить со временемъ, на Балтійскомъ морѣ, портъ для торговли своихъ подданныхъ и адмиралтейство; Воронежскую верфь перенесъ на удобнѣйшее для нее мѣсто и заложилъ на ономъ, при впаденіи рѣки Воронежа въ Донъ, городъ Тавровъ; укрѣпилъ при себѣ по правлѣмъ фортификаціи, Новгородъ и Псковъ; давалъ инструкціи о соблюденіи осторожности, укрѣпленій мѣсть и принятіи Шведскаго непріятеля при ожидаемомъ и совершившемся нападеніи его на строившуюся на малой Двинѣ, крѣпость; увеличилъ заведенную въ Москвѣ Царемъ Феодоромъ, Славяно-Греко-Латинскую Академію и снабдилъ Кіевскія духовныя училища новыми ободреніями, предоставивъ Ректору надъ учениками и студентами, право суда и расправы.

Уже въ 17⁰¹₀₀ году, успѣхъ Государева оружія подъ начальствомъ Шереметева (отца и сына) приводили въ страхъ оставшагося въ Лиф-

ляндіи непріятеля: на Ладожскомъ озерѣ тогда же разбита эскадра Шведскаго вице-адмирала, и въ Ингріи, на рѣкѣ Ижорѣ, уничтоженъ Апраксинымъ непріятельскій отрядъ. Государь руководствуя своихъ полководцевъ изъ Москвы, самъ занимался устройствомъ внутренняго порядка, хозяйствомъ и измѣненіемъ обычаевъ.

Весною 1702 года получено извѣстіе, что Шведскій флотъ снова готовится къ нечаянному нападенію на Архангельскъ. Петръ поѣхалъ туда съ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и пятью баталіонами своей гвардіи, укрѣпилъ батареи и шанцами устье рѣки Двины, заложилъ на взморь новую крѣпость, наименовавъ ее Новою Двинкою, и тогда же рѣшивъ взять Нотенбургъ, послалъ къ Ладогѣ Князя Рѣпинца съ его дивизіею, двумя гвардейскими баталіонами и артиллеріею; между тѣмъ самъ осмотрѣлъ все иностранныя торговыя суда, все примѣчательное въ городѣ и въ онога, даже простыя Холмогорскія барки съ мужичьими издѣліями, разговаривалъ и разуживалъ отъ мужиковъ о всѣхъ подробностяхъ ихъ жизни, разсылалъ повсюду свои повелѣнія, далъ своей руки чертежъ, по которому бы

Апраксинъ устроилъ въ Таганрогъ гавань, и наставленіе о учрежденіи тамъ торговли, съ вѣтованъ Турецкихъ и Татарскихъ начальниковъ склонить къ тому деньгами, тогда какъ Шереметевъ, въ Лифляндіи, осуществлялъ пророчество Петра, сказавшаго «что Шведскою побѣдою подъ Нарвою, научимся и мы побѣждать Шведовъ» и уничтожалъ ихъ войско съ генераломъ Шлиппенбахомъ, забиралъ и разорялъ Маріенбургъ, Вольмаръ, Трикатъ, Кригедербенъ, Гемелтлай, многія крѣпости и и укрѣпленныя мызы, такъ что по одной Рижской дорогѣ наши нерегулярныя войска сожгли болѣе 600 мызъ и деревень. Кромѣ сего, мы разбили на Чудскомъ озерѣ четыре шхуны, на Ладожскомъ взяли штурмомъ двѣ шхуны и при устьѣ рѣки Амовки разорили непріятельскій ретраншаментъ.

Шведы отмѣнили, однако, экспедицію къ Архангельску, и Государь поѣхалъ съ своею гвардіею къ Соловецкому монастырю на 4-хъ своихъ и 6-ти Голландскихъ и Англійскихъ наемныхъ корабляхъ, гдѣ осмотра все, отправился отъ деревни Нюхчи до рѣки Олѣги вновь съдланною, по тундрамъ и болотамъ, на 160

верстахъ дорогою, по коей были перетянуты за нимъ волокомъ двѣ яхты, а оттуда на сихъ яхтахъ поплылъ Онѣжскимъ озеромъ и рѣкою Свирью до Ладожскаго озера. Бурная погода помѣшала продолжать путь водою: онъ 5 Сентября прибылъ въ Ладогу сухопутнымъ, гдѣ Князь Рѣдвинъ съ своимъ войскомъ уже находился; а 25 пошелъ къ непобѣдимому по мѣстоположенію и укрѣпленію Нотенбургу, при чемъ артиллерію, за неизмѣнимъ лошадей, везли людьми. Сентября 26 заняли мѣсто и начали дѣлать шанцы; 27 числа подъѣхало остальное войско Ладожскимъ озеромъ на 50 судахъ, прогнавъ по пути къ Выборгу непріятельскія такія же суда; того же числа суда изъ подъ нашего войска перетянуты чрезъ лѣсъ, на разстояніи полумили, въ рѣку Неву; Октября 1, Государь съ 1000 гвардейцевъ первый переправился на островъ къ крѣпости, гдѣ былъ непріятельскій шанецъ; Шведы давъ одинъ залпъ, убѣжали; крѣпость со всѣхъ сторонъ осаждена, а 11 Октября, послѣ сильнаго и отчаяннаго сопротивленія, когда въ стѣнѣ оказалось три пролома и наши солдаты были почти на стѣнахъ—здалась на договоръ, и гар-

низонъ ея отпущенъ на данныхъ ему судахъ въ Нейшанцъ, выйдя изъ крѣпости сквозь брешь, и тогда же Нотенбургъ названъ Шлигесбургомъ, т. е. ключемъ городовъ, въ означеніе, что взятіемъ его отпрутся, какъ ключемъ, двери къ завоеванію другихъ Шлигесбургскихъ городовъ.

Торжественно было, послѣ сихъ успѣховъ, шествіе Государя въ Москву съ полками гвардіи, нѣсколькими баталіонами пѣхотныхъ, конныхъ и пѣхотныхъ войскъ, съ сотнями пленныхъ Шведовъ и разными трофеями побѣды. Петръ, окончивъ праздники, отправилъ къ Литовскимъ Гетманамъ, противъ общаго непріятеля, два Стрѣлецкіе полка и нѣкоторую сумму денегъ на Литовское войско. Между тѣмъ Шереметевъ, въ послѣдній день 1702 года, снова разбилъ у Иваньгорода непріятельскій отрядъ, а у самой Нарвы сжегъ 4 шхуны и всѣ окрестныя деревни и мызы, а Олонекскій попъ Иванъ Окуловъ, собравъ до 1000 охотниковъ, ходилъ за Шведскій рубежъ и тамъ разбилъ четыре непріятельскія заставы, и убилъ до 400 Шведовъ.

1703 годъ началъ Государь, между прочимъ, приготовлениями къ овладѣнію Нейшанцемъ, пограничнымъ, сильно укрѣпленнымъ городомъ, имѣвшимъ цѣлѣную торговлю и богатыхъ купцовъ. Для сего онъ послалъ Меншикова заложить на Олонкейской верфи, нѣсколько морскихъ судовъ и въ Шлиссельбургѣ сдѣлать довольное число барокъ для доставленія къ Нейшанцу артиллеріи, и нѣсколько мѣлкихъ судовъ; самъ же, между тѣмъ, отъѣхалъ въ Воронежъ, и тамъ нѣсколько недѣль занимался корабельными работами, перенеся въ Тавровъ остальное кораблестроеніе; но 21 Марта былъ уже въ Шлиссельбургѣ и давъ приказъ Шереметеву о блокадѣ Нейшанца, 24 числа самъ прибылъ туда съ войскомъ, ѣздилъ съ семью ротами гвардіи въ 60 лодкахъ осматривать Невское устье въ 7-ми верстахъ отъ города и какъ занять его отъ непріятельскаго прихода съ моря, оставилъ на взморьѣ три роты солдатъ и роздалъ Шведскимъ поселянамъ, на языкѣ ихъ, письма, что никто изъ Рускихъ не станетъ обижать ихъ, лишь бы они оставались спокойными въ своихъ домахъ и не уходили. 1 Мая, Нейшанецъ, по упорномъ сопро-

тивленіи, здался на капитуляцію и Государь принесъ усердное Богу благодареніе за полученіе въ сей крѣпости первой морской пристани. Мая 2, вечеромъ, прибыла къ устью Невы непріятельская эскадра, не зная, что крѣпость наша. На ея привѣтствіе мы ответствовали съ крѣпости Шведскимъ лозунгомъ и тѣмъ держали эскадру въ заблужденіи до 6 числа. Тогда Государь — бомбардирскій капитанъ, съ Меншиковымъ — своимъ поручикомъ и съ солдатами гвардейскихъ и другихъ полковъ пустился ночью, въ 30 лодкахъ, на эскадру; но какъ ночь была свѣтла, то онъ дождавшись за островомъ противъ деревни Калинкиной, къ морю, находившей тучи съ сильнымъ дождемъ, напалъ въ темнотѣ съ одними ружьями и ручными гранатами на два передовыя морскія суда съ двадцатью пушками, и невзирая на ихъ жестокою стрѣльбу и сильную оборону, взялъ, и войдя первый съ гранатнымъ огнемъ, полонилъ ихъ и привелъ въ лагерь къ своему Фельдмаршалу Шереметеву. Нейшантскій комендантъ и гарнизонъ отпущены въ Выборгъ. Государь назвалъ эту крѣпость Шлотбургомъ. Туда прибыли къ нему Литовскіе

послы; по просьбѣ ихъ, онъ отпустилъ на Лптовское войско 30 тысячъ руб. и велѣлъ идти къ нимъ на помощь своему генералу изъ Смоленска, съ частію конницы и двумя Стрѣлецкими полками; а Гетману Мазепѣ приказалъ стараться возвратити отъ Шведскаго союзника, бунтовщика, казацкаго старшины Палея, Бьлцеровскую крѣпость, успокоити тамошніе бунты и наблюдать, чтобъ подданные Казаки не пристали къ тому бунту. Между тѣмъ послалъ подъ Быховъ, занятой Шведскимъ союзникомъ Сапегою, 15 тысячъ Малороссійскаго войска, и оно вмѣстѣ съ нашимъ генераломъ, подошедшимъ изъ Смоленска, взяло Быховъ и возвратило Рѣчи Посполитой.

Среди толкихъ занятій Государь не разставался съ желаніемъ имѣть у Балтійскаго моря такой портъ, къ которому могъ бы обратити торговлю, какъ къ древней Александріи, особенно Сѣверозападной Европы, обитаемой народами, кои сообщеніемъ съ его подданными могли бы способствовать просвѣщенію ихъ—портъ, который былъ бы способенъ и для великаго, замышляемаго имъ флота. Овладевіемъ взятыхъ отъ Швеціи крѣпостей, Пётръ

видѣлъ себя въ состояніи осуществить дѣломъ планъ свой. Хотя сила Карла XII, надмѣннаго побѣдами и бывшаго тогда на высотѣ своей славы, представляла возможности склонити непреклоннаго къ уступкѣмъ сихъ мѣстъ, и Государю оставался еще большій подвигъ, который вся Европа почитала невозможнымъ: уверяити этѣ мѣста за Россіей; но Пётръ былъ твердо надеженъ въ самомъ себѣ удержать свои завоеванія, и среди самаго пламени войны, тамъ, гдѣ она только разгаралась, онъ избралъ къ совершенію своего великаго намѣренія, мѣсто, которое само по себѣ отвратило бы всякаго другаго отъ подобнаго предпріятія—это болото непроходимое, пустынное и отдаленное отъ работниковъ, которыми надобно было строиться. Но Государь Пётръ довольствовался, что мѣсто показалось способнымъ къ его намѣренію, и онъ, на островѣ той же Невы, только ближе къ морю, по сдѣланному самимъ чертежу и плану, 16 Маія 1703 года заложилъ одною рукою крѣпость, а другою защищалъ ее отъ нападенія Шведовъ моремъ и сухопутьемъ, наименовавъ оную по тезоименитству своему Св. Апостолу Петру, Санктпетербургомъ;

а чтобъ она строилась успѣшнѣе — раздѣлилъ работу между ближайшими сановниками: первый болверкъ взялъ подъ собственное смотрѣніе, другой поручилъ Меншикову, третій—графу Головину, четвертый—Канцлеру Зотову, пятый—князю Трубецкому, шестой—Кравчему Нарышкину, которыхъ именами они и названы. Въ крепости воздвигъ деревянную церковь во имя Св. Апостолъ Петра и Павла; для своего же пребыванія, близъ крепости на берегу рѣки, гдѣ при Шведскомъ владѣніи стояла бѣдная рыбацья хижинка, изъ коей состояло почти все мѣстное селеніе, построилъ деревянный дворецъ на девяти саженьяхъ въ длину и трехъ въ ширину, въ два покоя съ сѣнями и кухнею, украсивъ его внутри холстинными, выбѣленными обоями, простыми мебелями и кроватью.

Государь опредѣливъ этотъ городъ и для своей столицы, назначилъ тогда же мѣста подъ строеніе гостиннаго двора, пристани, присудственныхъ мѣстъ, адмиралтейства, своего дворца, сада и домовъ знатныхъ, возложивъ главный надзоръ за всѣмъ на Меншикова, какъ генераль-губернатора всѣхъ взятыхъ отъ Шве-

довъ городовъ и земель, и повелѣвъ ему выстроить для себя домъ на Васильевскомъ островѣ. Коль скоро крепость была начата—комендантомъ въ нее опредѣленъ полковникъ Рентъ; между тѣмъ городъ Нейшанць упраздненъ, и его жители, переведенные въ Санктпетербургъ, сдѣлались первыми его населенцами. Народъ не престававъ, встрѣчаясь съ Государемъ, падать предъ нимъ на колѣна; но въ новомъ, еще немощномъ и грязномъ городѣ, это обыкновеніе казалось ему особенно непріятнымъ, и онъ уже запретилъ сіе подъ жестокимъ наказаніемъ *«дабы народъ, ради его, не марался въ грязи.»*

Послѣдующія за симъ дѣянія Государя увлекли бы далеко въ исторію. Куда онъ привелъ Россію, и какъ сосредоточилъ государственную дѣятельность въ Санктпетербургъ—Рускому извѣстно. Наша Александрія подъ небесною славою имени Святаго Апостола Петра съ ея военнымъ и торговымъ флотомъ, въ лучезарномъ свѣтѣ земной славы Петра Великаго, стоитъ 136 лѣтъ на силахъ всего народа, рости, оживляясь и укрѣпляясь его силами, и надъ нею бдитъ отъ Невы — Святыня

Александра Невского въ металлическомъ перенцѣ драгоценной Сибири, изъ крѣпости за Невой—гробница державнаго Зодчаго; Руцѣ нашего Самодержавія, по пророчеству Святаго Петра Митрополита, вошли на плечи враговъ его (*); Крестъ Православія осыпаетъ рубежи всѣхъ древнихъ отчизнъ Россіи, и плугъ нашего оратая пробираетъ землю ихъ, шевеля кости пришлыхъ и падшихъ иноплеменныхъ владѣтелей; деревянный дворецъ Петра защититъ тыно отъ дворца Зимняго; Меншиковъ съ высоты полудержавнаго величія лежитъ вѣчно въ Березовѣ, закованный холодомъ; и ден Великаго, разсыпанныя по землѣ Русской, растутъ въ современномъ образѣ громадными созданіями, и клиръ церковный ежегодно 27 Іюня, въ вѣч-

(* «Если ты—сказалъ однажды Петръ, Московскому Великому Князю Іоанну Давидовичу Калитѣ—успокойшь мою старость и поддвинешь здѣсь (въ Москвѣ) Храмъ, достойный «Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ Князей и родъ твой «возвеличится, кости мои останутся въ семь градѣ, Святители «захотятъ обитать въ немъ и руки его выйдутъ на плечи «враговъ нашихъ.» (Пророческое повѣщаніе Петра Митрополита Московскаго). Успенскій Соборъ, въ Москвѣ, заложень 4 Августа 1326 года.

ную память Петра, повторявшаго часто: *святѣйшииъ стезямъ моимъ—законъ Твой, Боже!* ликуеть память Полтавской битвы.

Между тѣмъ наше правительство перестаетъ обращать заботливое и дѣятельное вниманіе и на обильную, сложную и плодотворную стихію вещественнаго и нравственнаго бытія Россіи, которая была такъ близка къ сердцу Перваго Императора, для которой онъ такъ много сдѣлалъ, и которую почиталъ не инымъ чѣмъ, какъ органомъ видовъ государственнаго образованія, именно: отечественную торговлю и промышленность. Производительныя силы ихъ уже давно, въ память безсмертнаго, оживились и искусственными способами и народною предпримчивостію, давно уже промышленность пысканная, художественная, одушевляемая въ недрахъ зидкительнаго правительства, распростираетъ свои вѣтви во всѣ мѣста по природѣ мануфактурныя или ремесленныя, подкрывая сельское хозяйство новымъ, бездоннымъ источникомъ заработокъ для простаго народа, раздѣляющагося у насъ, вопреки заграничному порядку, по временамъ года на землепаше-

ство и ремесленный промысел, народъ пользуется выгодами промышленной жизни и безвредною роскошью довольства; многіе города, даже отдаленные отъ торговыхъ перепутій и движеній, облеклись чистотою, порядкомъ и украшеніемъ, въ нѣкоторыхъ—возникли даже общественныя заведенія, какъ плоды усерднаго стремленія къ общему благу и достатка частныхъ способовъ; народныя состоянія одеваются въ Русское издѣліе, украшаютъ помѣщенія отечественными работами, живутъ чище, изысканнѣе, издерживаютъ по настоящимъ цѣнамъ и потребностямъ, въ сравненіи съ прежними, менше; но пользуются большими удобствами, за иностранные товары, въ общемъ счетѣ торговли, не переплачиваютъ за границу, и соревнуя во всемъ правительству, съ возрастающею готовностію пользуются дарами его пособій, поощреній, привилегій, стараясь въ общемъ, споспешествуемомъ свыше ходѣ отечества, оправдывать и вседержавную волю и надежду и общее ожиданіе возделенныхъ послѣдствій отъ высшаго образованія въ частной жизни государства самобытнаго, народа исполненнаго вѣры, преданнаго власти и неуклонно

слѣдующаго въ духѣ истины, путемъ, указаннымъ его Самодержцами. Но за всемъ тѣмъ у насъ еще нѣтъ всего, что правилось Петру Великому въ Сѣверозападныхъ Европейцахъ: нѣтъ экономіи въ жизни, въ извѣстномъ видѣ общественнаго духа, нѣтъ степениности, постояннаго стремленія къ избранному предмету и зрѣлости въ дѣлахъ общества, нѣтъ частной самобытности въ торгово-промышленномъ отношеніи; купечество наше не торгуетъ компаніями; у насъ еще нѣтъ состоянія негодіантовъ, банкротовъ, которые за границей, по своему положенію въ торговыхъ оборотахъ высшихъ размѣровъ, направляютъ и ведутъ дѣла по движеніямъ политическаго баланса, обнимаютъ предметы не по частнымъ размѣрамъ внутреннихъ, домашнихъ движеній на базарахъ, ярмаркахъ, въ пристаняхъ; но по общему ходу торговли въ портахъ, на биржахъ, по внутренней государственной дѣятельности націй, словомъ: совмѣщаютъ въ себѣ соображенія политики, торговли, промышленности отъ начальныхъ источниковъ ихъ до высшаго развитія въ окончательномъ обменѣ государственныхъ капиталовъ и дѣйствительныхъ и представительныхъ, и слу-

жать органами производительнымъ силамъ народа и двигателями частныхъ капиталовъ въ ихъ взаимномъ, производительномъ соотношеніи въ пользу государства съ другими народами и иностранными капиталами. Хотя правительство все сдѣлало, чтобъ породить и упрочить полезную для успѣховъ общества особенность въ каждомъ состояніи, званіи, классѣ; но бывали примѣры, что юношество состояній, существующихъ производительнымъ трудомъ, получало воспитаніе, несомвѣстное съ торговымъ основаніемъ: знакомясь съ примѣрами, одушевленными для честолюбія, славолубія, извѣстности, роскоши, блеска и не пріобрѣтало наставительныхъ внушеній въ пользу своего природнаго званія; узнавало и изучало примѣры и навыки, содѣйствующіе успѣхамъ общежитія и службы и оставалось въ невѣдѣніи о гражданскихъ, мирныхъ, тихихъ доблестяхъ, о знаменитости мужей не менѣ государственныхъ на поприщѣ торговли и промышленности, каковыми, по временамъ, бывали въ Россіи Строгоновы, Демидовы, Шелеховы, Сериковы, Владиміровы, Жигаревы, Твердышевы, Анфилатовы, Яковлевы; дѣти купечества, возрастая и обучаясь

въ пансіонахъ, сроднялись чувствомъ, привычками, будущими надеждами и ожиданіями въ практической жизни съ дѣтьми дворянъ, живущихъ доходами съ помѣстныхъ и вотчинныхъ недвижимыхъ капиталовъ по наследію, или жалованьемъ; отъ сего они усвоивали несвойственныя торговому состоянію склонности, и теряя уваженіе къ почетности своего гражданскаго званія и занятія, также переходили на службу, въ дворянство для соревнованія своимъ школьнымъ товарищамъ въ кругу новаго для нихъ общества. По всему тому были причины, и ихъ основаніе—въ начальныхъ ступеняхъ Россіи.

РАЗСКАЗЪ РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА О НАЧАЛЬНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ РОССІИ ВЪ ГОСУДАРСТВО.

Россія соткалась тканью простою — не перепорною. Откуда явились Славяне, племя отъ всѣхъ Европейцевъ отличное, до сихъ поръ не знаютъ. Но издревль, какъ и нынѣ, они были народъ хлѣбопахатный, чьму доказательствомъ служатъ наши народныя, языческіе праздники и праздничныя пѣсни. Они долго жили сами со-

бою, пахали землю, лишнимъ обмѣнивались и расселялись племенами подъ разными названіями. Потомъ, Славяне около Ильмена начали переторговывать и по Западной Двинѣ двигаться до моря. Тутъ, какъ люди смѣшленные (чѣмъ особенно отличается Великороссійскій народъ), замѣтили, что у нихъ нѣтъ головы. Они издали и слышали, что за моремъ всему голова Князь, а мѣжь ими Князей не было и никто изъ нихъ въ Князя негодился: все люди равные. Они изъ за-моря призвали къ себѣ Нормановъ, чтобъ они надъ ними княжили и ими володѣли. Норманы народъ воинственный, и кто живалъ на морскомъ побережьи и выставлялъ лодочную рать, тѣ назывались Руссами, а по воинскому ремеслу—Варягами. По призыву Славянъ явился въ Ладогу Руссы Князя, трое братьевъ, со свитою немалочисленною, взглянули на Славянскую землю и увидѣвъ, что тронимъ на одномъ мѣстѣ дѣлать нечего—двое побѣжали со своими: одинъ на Бело-озеро, гдѣ и сѣлъ; другой въ Изборскъ; а иные уже отъ нихъ, пошли по Днѣпру, ниже, далеко на полдень; вела же всѣхъ вода, Руссамъ Норманамъ своя. Раздолье и приволье встрѣчалось по-

всюду, Славянъ толпа толпой, лѣсу невидимо, воды вдоволь, земля вездѣ тукъ тукѡмъ: брось зерно—вырастетъ. Они ѣхали Днѣпромъ, да ѣхали, пристали у горы, вышли на берегъ и завладѣли Кіевомъ. Но скоро на одномъ мѣстѣ прыснули: спатъ день денской ничего не выплывъ, а лѣто лѣтинское тянется невступно круглый годъ. Норманоруссу къ походу не привыкать и съ водой не свыкаться. И въ X вѣкъ Норманорусскіе Князя, собравъ Славянскую толпу, всей ватагою пошли на ладьяхъ опять на Югъ по Днѣпру. Онъ вынесъ ихъ въ Черное море; пройдя его, они повернули въ Азовское, оттуда въ устье большой рѣки и поплыли вверхъ по Дону; узнавъ, что близко другая рѣка, тоже большая, перетасили ладьи волокомъ въ Волгу, и поплыли на Юговостокъ, въ другую сторону; тамъ въѣхали опять въ море уже Каспійское; плыли имъ, плыли и доплыли опять до устья ещебольшой рѣки Куры и снова пошли противъ теченія. Природа казалась пная, путь былъ неблизкій, и чего по дорогѣ они невидали? всего насмотрѣлись, больше того натерпѣлись: и мокли, и забыли, и голодали и обнослились, и лишь завидѣли

вправъ Берду, славный тогда Армянскій го-
родъ, какъ ринулся на землю и разомъ под-
няли его на Князя: пили, ѣли, гуляли, напн-
ривались досыта, чего забрать немогли, то
переломали, сожгли, подручное взяли съ собою,
и все такое, чего прежде не вильвали, о чемъ
прежде не слыхивали, и побѣхали тѣмъ же
слѣдомъ на свою сторону, въ Кіевъ, совершивъ
первый проходъ по становой жилѣ Юговосточ-
ной Россіи до отдаленнѣйшаго предѣла нынѣш-
нихъ Русскихъ владній за Кавказомъ. Но въ
атагѣ Норманнорусовъ воинственныхъ, была
толпа Славянъ промышленныхъ; они узнавъ
дорогу, начали около нынѣшней Астрахани
переторговывать съ Хозарами. Межъ тѣмъ ихъ
родичи на Ильмень, вели дѣло своимъ чере-
домъ: переселились ближе къ торговому пути
на Сѣверозападъ въ мѣсто привольное, и обсе-
лили Новгородъ. Оттуда стали тоже развѣды-
вать свой Юговостокъ и Славянскую землю. Въ
ней нашли также лѣсу множество, и какого
лѣсу? рослага, смолистаго, лѣтомъ пахучаго,
зимою зеленого; хлѣба въ христаняхъ, коннахъ,
одоныхъ некуда дѣвать; сѣна въ стогахъ гла-
зомъ некинешь; трава — мурава росписнымъ

ковромъ такъ и стелется; степей нѣтъ; воды
много; но морей тоже нѣтъ; рѣки? въ поло-
водѣ судамъ ходить, а лѣтомъ перебредетъ
курица. Что дѣлать?... Сподручнѣе браться за
промыселъ, да такъ, чтобъ хлѣбъ на обухе моло-
тить и зерна не проронить; сказано — сдѣлано!
Съ тѣхъ поръ Великороссія стала рознить съ
Южной житьемъ, бытjemъ и обычаемъ. Кіев-
скіе Князья больше и больше утверждая народъ
въ воинственномъ духѣ на пространныхъ по-
прищахъ и водахъ судоходныхъ, безпрестанно
дрались съ перекочевывавшими чрезъ степи ор-
дынцами, разбѣжали по Днѣпру и инымъ,
ходили опять подъ Берду, и однажды взявъ отъ
Днѣпра вправо, обозрѣли Черноморскій берегъ,
Херсонъ и явились разомъ подъ Цареградомъ-
Византіей, дивнымъ и чуднымъ въ то время
городомъ. Тутъ было чѣмъ и было съ кѣмъ
заводить Славянамъ торгъ; да и отъ Кіева не
такъ-то далеко. Князь взялъ съ Греческаго
Императора дань на всю атагу, а торгъ для
народа и напередъ выговорилъ. Такъ и Кіевля-
не начали погуливать за дѣломъ, то вправо къ
Константинополю, то влѣво на Донъ, на Вол-
гу, въ землю Яескую, Половецкую....познако-

мпллсь съ Черкессами (*). Въ Кіевъ сидѣлъ на Царствѣ Владиміръ. Онъ съ юности навоевался, въ мужествѣ напировался, подь старость заду-

(*) Ахметъ, сынъ Фоплава, посланный въ 922 году, въ Княженіе Игоря, Калифомъ Муктедиромъ изъ Багдада къ Болгарамъ, описывая видѣнное имъ на пути, говорить и о Русскихъ купцахъ въ пристани рѣки Волги, что сѣло у нихъ красное; ни кафтановъ, ни камзоловъ они не носятъ; мужчины накидываютъ съ боку грубую одежду такъ что одна рука остается свободною; у каждаго—топоръ, большой ножъ и мечъ; они никогда неходятъ безъ оружія; мечи ихъ широки и работы Европейской; по мѣрѣ своихъ приобрѣтеній они одаряютъ женъ золотыми и серебряными цѣпами на шею; во главное украшеніе женщинъ — ожерелья зеленого бисера. Они самые нечистоплотные люди; приплывая отъ себя по Волгѣ, выходятъ изъ судовъ, бросаютъ якорь и строятъ по обоимъ берегамъ большіе деревянные дома, помѣщаясь въ каждомъ по 10 и 20 человекъ. У всякаго—длинная, широкая дѣвка, на коей онъ сидитъ съ своею женою и съ продавными невольницами. Входя въ пристань, каждый несетъ даръ къ Болвану и проситъ его послать добраго купца съ серебряными и золотыми деньгами. Когда товаръ сбываетъ выгодно, то приносятъ другую жертву. На вора или разбойника у нихъ надѣваютъ петлю и вѣшаютъ его на высокомъ деревѣ. Вино пьютъ день и ночь такъ что нѣкоторые и умираютъ со стаканомъ въ рукѣ.» Другіе восточные писатели говорятъ, что миролюбивые Хозары должны были уступить безпокойнымъ, витежнымъ Россіянамъ, всѣ острова Волжскіе, на конкъ сѣзли пшеничку.

малъ и послалъ старшинъ во всѣ концы. За чѣмъ?... Не сказывалъ. Народу говорить заранѣе не слѣдуетъ: пустымъ толкомъ народъ балуется; а старшіе обдумаютъ и скажутъ—повинуются. Владиміръ принялъ Святое Крещеніе и разомъ наша земля Славянская, стала Русская Христіанская. Славяне увидѣли, что Норманорусскіе Князья свое дѣло знаютъ: Красная Россія была уже Кіевская; нынѣшняя Черноморія и Сѣверъ Кавказа—тоже; полоса по Двинѣ и на Юго-востокъ, Западъ и Сѣверъ отъ Новгорода пошла въ ростъ; тамъ стали сильно торговать, промышленять, населять города Псковъ, Юрьевъ .... (*) Въ Новгородѣ воздвигли вседержительный храмъ Св. Софіи премудрости Божіей, какъ въ Константинополѣ, и учредили было народное правленіе: быть самосудами. Народу только торговому, тавласть и наруку, какая дешевле да выгоднѣе. Но Князей крови княжеской было множество, воевать и командовать умѣлъ каждый: они заняли полосу между

(*) Копорье, Орѣшекъ (Шансельбургъ) и Ямы (Ялбургъ) основаны Новгородцами въ послѣдствіи: первый въ XIII, а послѣдніе въ XIV вѣкѣ.

Новгородомъ и Кіевомъ и всегда бы слушались старшаго, Кіевского; но Владиміръ умирая, раздѣлилъ всю православную землю на удѣлы. Россія пошла было однимъ словомъ, однимъ дѣломъ, одинакимъ дѣйствіемъ: и разширилась, и окрестилась, и обстроивалась уже городами и Божими Храмами, и связывалась съ Европою, и расторговывалась, а народъ богатился промысломъ— съ удѣлами Россій явилось множество, каждая задумала: какъ бы съдѣлаться старшею, всякъ сталъ себя голова; пошло что городъ то норовъ, что деревня то обычай, въ каждомъ домѣ— дымъ коромысломъ, хотъ святыхъ неси вонь; Князья начали драться, рязаться; народу стало все трынцъ-трава; Украйну и Бѣлоруссію потянули къ себѣ Лыбские, Красную Русь—Поляне, Новгородъ создалъ свою кааптію, Псковъ держался его обычая. Нагрянули Татары, все перевернули вверхъ дномъ, весьхъ забрали отъ Волги до Дивира, ввели ревизію и подушный сборъ, слишкомъ двести лѣтъ тѣпились, и въ средней полосѣ многое перепортили: нравы, языкъ, обычай, характеръ, пока не выросла, не осамилась Москва любовію къ ней славныхъ въ жизни и живыхъ Боже-

ственною благодатию по смерти, Святыхъ Митрополитовъ Петра, Алексія, Іоны и Игумна Сергія (ихъ Святыхъ мощи, одѣянные небеснымъ петльиѣемъ, въ дивномъ сочетаніи съ Русскою вѣчностію, опочиваютъ въ Богоспасаемомъ городѣ и въ Троицкой Лаврѣ, исцѣляя и избавляя отъ скорбей и печалей по вѣрѣ каждаго, притекающихъ къ нимъ съ вѣрою), пока она не облеклась броней даровитыхъ Іоанновъ, не стряхнула Агарянскаго ига и не пошла опять въ ростъ по пятамъ Татаръ, утверждался тверже нныхъ и возвышался выше нныхъ.

Если въ твореніяхъ знаменитыхъ историковъ Европейской гражданственности остается нѣчто неполное въ откровеніи истины— это, конечно, ихъ невниманіе къ тому, сколь великою искупительною жертвою для сей гражданственности была за-Московская страна, занявшая и удержавшая болѣе двухъ вѣковъ народныя ополченія Чангиса въ ихъ стремительномъ шествіи ко всесвѣтному обладанію на Европейскій Западъ. Ихъ оседлые остатки донинѣ сохраняются въ Лптовскихъ Татарлахъ около Вильны, переведенныхъ туда Витовтомъ. За Волгою въ Великороссіи Татары не утверждались.

Новгородцы торговали, промышленяли, разживались, и за спиною Москвы, какъ за щитомъ, такъ размножились, что начали выселяться въ Хлыновъ, гдѣ нынѣ Вятка, въ Вологду, Устюгъ Великій, Устюжну; на Сѣверъ двигались, опять Двиною, къ Холмогорамъ, Архангельску; населяли Торжокъ, Ярославль, вѣроятно и Кострому, и на низу близъ съезда на торговый размѣтъ по теченію Волги—Рускихъ, а вверхъ по Волгѣ—Татаръ Казанскихъ, насидѣли и наторговали тоже Новгородъ Нижній—этотъ неколебимый памятникъ господствовавшей тогда въ Россіи торговли ганзеатическаго (*) Новгорода, ознакомившаго съ симъ путемъ Сѣверо-западныхъ Европейцевъ, конемъ они проложили и долго поддерживали транзитную торговлю по Волгѣ съ Востокомъ.

Какимъ бы цвѣтомъ ни отбѣялась въ политическомъ значеніи торговая республика подъ звукомъ своего вѣчеваго колокола и знаменемъ кичливой народности «кто противъ Бога и Великаго Новгорода», и въ какомъ бы сіяніи славы и величія исторія ни начертывала Москов-

(*) Ганза завела свою контору въ Новгородъ около 1276 года.

ское Великое Княжество съ его искупительными, кровавыми язвами заслугъ отечественныхъ—исторія Русской торговли и промышленности всегда поставитъ въ чредѣ своихъ областей, Новгородъ съ округомъ и его городами—*торговыми колоніями* (*), какъ первыхъ проявителей кореннаго, природнаго элемента гражданской жизни Славянорусскаго племени. И Московскій округъ, на первостепенномъ поприщѣ, съ его городами—въ началѣ *Княжескими острогами*, былъ также мѣстомъ ремесленнымъ и по природѣ и по свойствамъ населенія, особенно нынѣшня Владимірская губернія: народныя прозвища многихъ старинныхъ церквей въ Москвѣ служатъ живымъ тому доказательствомъ; но

(*) Письменное примиреніе между Владимірекимъ Великимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ и Новгородцами во второй половинѣ XIII вѣка, показываетъ, сколь мало повиновался тогда Новгородъ Князямъ и Великимъ Князямъ Россійскимъ. Изъ него видно также, сколь было обширно въ ту пору Новгородское владѣніе. Кромѣ Торжка, Бѣжицы или Бѣжецкаго верха, Вологды и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, концы и имена теперь забыты, въ немъ упоминается о Перми, Печорѣ и Югоріи какъ о земляхъ, принадлежавшихъ Новгородскому владѣнію. (*Изъ ежемѣсячнаго изданія при Императорѣ. Акад. Наукъ, 1761 года, за Іюль мѣсяць*).

онъ долго немгълъ свободнаго вѣшняго збыта: Москву и за-Московію отдѣляли отъ Нижняго непроходимые Муромскіе лѣса—всегдашнее вѣталище разбойниковъ, и сообщеніе съ этѣмъ Новгородскимъ низовьемъ было такъ затруднительно, что отважный торгъ съ нимъ сдѣлался исключительнымъ занятіемъ родоначальниковъ нынѣшнихъ ходоушниковъ: Вязниковцевъ, Гороховцевъ, Ковровцевъ, которые были вынуждены, для самоохраненія, измѣнить обыкновенный престонародный языкъ и создать нелпныя аеенскія слова, которыми по привычкѣ разношники-ходоушники говорятъ между собою до нынѣ, называясь въ народѣ аеенями.

Такъ Россія, по повелителямъ—Нордманорусская и воинственная, по народу—Славянская, земледѣльческая, торговая и ремесленная, въ вѣковыхъ смѣненіяхъ сихъ элементовъ могла имѣть, наконецъ, иной жребій между Европейскими государствами, не тотъ, какой даровали ей десницы Іоанновъ, Алексеевъ, Петровъ?..... Житель лѣсной, мѣстами глинистой, песчаной, черноземной, частію минеральной почвы, уроженецъ рѣчной, влажной, дождливой, снѣжной, морозной природы, который довольствуетъ

ся хлѣбною пищею и хлѣбнымъ напиткомъ, могъ ли не сдѣлаться плотникомъ, столяромъ, бочаромъ, токаремъ, рѣзчикомъ, землекопомъ, каменотесаремъ, каменщикомъ, штукатуромъ, лѣшникомъ, печникомъ, кузнецомъ, слесаремъ, огородникомъ, ткачемъ, разносникомъ, торгашемъ, промышленникомъ, всякаго рода подводчикомъ, сноснымъ ходокомъ, вообще труженникомъ въ потъ лица, обреченнымъ на пожизненный промыселъ?... Оттого-то у Рускаго, на вопросъ о его предпріятіи, всегда одинъ отвѣтъ «рыба ищетъ гдѣ глубже, человекъ—гдѣ лучше»; оттого-то Рускій идетъ всюду попутнымъ распросомъ съ увѣренностію, что языкъ и до Кіева доведетъ, и отваживается на всякій промыселъ въ надеждѣ, что Богъ дастъ день—дасть и пищу; оттого-то нашъ мужикъ, сидя дома, ничего не надѣется высидѣть и говорить, что подъ лежачій камень вода не течетъ; оттого-то онъ и смѣленъ, расчетливъ, дѣятеленъ, вездѣ чистый промышленникъ, никогда не мѣлоченъ, всякою работою играетъ, и при случаѣ объ одномъ похлопочетъ: какъ-бы примѣниться; а кой-часъ примѣнится, то и приладится. Вѣдь говорятъ же «у мужи-

ка кафтанъ сѣрь, а умъ не чортъ съѣлъ» хотя подчасъ онъ крѣпокъ и заднимъ умомъ. Поэтому-то у Рускаго печѣму учиться; но его изучать весьма нелишнее.

Еще въ старину въ нашемъ простонародіи говаривали «не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки; шиломъ моря неагрѣнешь, наперсткомъ невычерпаешь; плеть обуха непереть; за чужое лычко отдашь свой ремешекъ; на чужой каравай ротъ не разѣвай, а раньше вставай да свой затѣвай; съ кѣмъ хлѣбъ-соль водишь, на того и походишь; копѣйка рубля бережетъ, а рубль голову стережетъ; чего недосмотришь, то самъ доплотишь; не нами свѣтъ установленъ, не нами онъ и держится; пьянъ да уменъ—два угодя въ немъ; не всѣмъ старцамъ быть игумнами; гдѣ хвостъ начало, тамъ голова мочало; у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.» Еще въ старину было въ народѣ всегдашнимъ правиломъ «отъ хлѣба хлѣба не искать; жить со всѣми въ ладу; лежачаго не бить; оплошнаго вѣдока учить не по сѣдоку—по лошади; обидчика добѣжать не мытьемъ, такъ катаньемъ; вѣхавъ не свистать, наѣзжая не спускать; а дѣлать за словомъ.» Еще въ старину въ

простонародіи совѣтовали «прежде отца не соваться въ петлю; не спросяся броду не ходить въ воду; по одеждкѣ протягивать ножку; не плевать въ колодезь—испить пригодится; за мухой не гоняться съ обухомъ; не всякое лыко въ строку ставить; про одиѣ дрожки не толковать трожды; не въ свое дѣло не вмѣшиваться: ѣсть пирогъ съ грибами, а держать языкъ за зубами; беречь денежку про черный день; ссорясь оставлять слово на миръ; идти и оглядываться, а говорить—не заговариваться; употреблять гдѣ лисій хвостъ, гдѣ волчій ротъ и ладить такъ, чтобъ были и волки сыты и овцы цѣлы; слово—право». Но потомъ (при Татарахъ) ввелись было въ народъ и другія поговорки: «свинь не до поросятъ какъ самоѣ палать; лыко да мочала туда же помчала; стыдъ не дымъ—глазъ не выѣстъ; брань на вороту не виснегъ—слово не убиваетъ; умѣй воровать и концы скрывать; за битаго двухъ небитыхъ дають; что и честь когда нечего ѣсть; были бы деньги, а то все будетъ.» Тогда же и люди съ достаткомъ привыкли говорить за народомъ «на-что намъ трудится—насъ и такъ Богъ благословилъ достаткомъ» забывъ повѣрять, что

Богъ-то трудъ и любить, и слова Св. Александра Невскаго, что и добродетель праздная только возбуждаетъ дерзновеніе порока (*).

Каковъ духъ и форма выраженія народной философіи въ сихъ поговоркахъ, таковъ и характеръ народной промышленности. Довольно замѣтить домашній бытъ поселянъ къ Сѣверу. Нынѣшній характеръ сельской промышленности округа, бывшаго подъ игомъ неверныхъ, по пословицѣ «шло не шло, было не было—лько да мочала туда же помчала» есть чистѣйшій отпечатокъ Татарскаго вліянія: легкость, ломкость, кой-какая отдѣлка, дешевизна.

Довольственная жизнь составляла всегда, все благо народа. Говоря «не красна изба углами, красна пирогами» народъ яснѣе всего опредѣлялъ, въ чемъ его природное счастье. Политическія его понятія, все относились къ тому: тѣсно или просторно, легко или тяжело, тепло или холодно, сытно или голодно; здравствуетъ ли Царь, свой ли Царь, царской ли крови Царь? Съ своимъ, Богомъ даннымъ Царемъ, Рускій покоенъ, безпеченъ, ему съ по-

(*) О Общественомъ призваніи въ Россіи, часть 1, стр. 14.

лагоря; онъ увѣренъ, что его не обидятъ, есть кому за него заступиться; Царь попусту тормозить народа не позволитъ, кривды не спрямить, а правды не скривить; у него что было то было; что черно, то черно; онъ лишняго не потребуетъ, чужаго не возьметъ; въ чемъ онъ нуждается? . . . у него все есть. Оттого-то Русскій Царь и надѣжа-Государь! Нѣтъ Царя, Русскій весь въ хлопотахъ: онъ вдоволь не надеется, вдосталь не насыпается; онъ такъ и подслушиваетъ: не нужноль съ кѣмъ за Царя подраться. За Богомъ молитва, а за Царемъ служба—непропадаетъ. Такъ велика въ народномъ понятіи идея Царя въ ея облеченіи Божественнымъ свойствомъ самотворящаго начала! . . . Царь у нашего народа не только въ сердце и умъ, но просто—въ натуръ, какъ врожденный элементъ жизни. Бывали Цари избранники, бывали и призванники; но роль-племя ихъ на тронъ не упрочивался: Цари не отъ царской крови. Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій. . . . .

Слѣдствія сего свойства? Покорность властямъ, лучшее войско, какое когда либо бывало въ благоустроенныхъ государствахъ, полное

въ полкахъ хозяйство, неохотная служба для своего общества, потому что обо всѣхъ заботится одинъ Царь и начальникъ, а частный человекъ, духа и свойства промышленнаго, по натурѣ своей объ одномъ себѣ долженъ печется; немѣнѣе въ Россіи народныхъ сословій, кромѣ одного: сословія подданныхъ Русскаго Царя; раздѣленіе народа на состоянія, званія, классы, отличенныя преимуществами и знаками; главная пружина дѣятельности—любоствяжаніе, и явное желаніе отличій—сокровенное желаніе большихъ средствъ для удовлетворенія врожденной склонности и личнаго, не политическаго охраненія. Отсюда: «на Бога надѣйся, а самъ неплошай; своя рубашка къ телу ближе; непоможетъ Богъ коли самъ плохъ; отъ кого чають, того и величаютъ.» Оттого терпимость върѣ и готовность къ дѣламъ съ иновѣрцами, снисходительный судъ общаго мнѣнія, холодность къ мѣсту рожденія, но память объ немъ на смертный часъ; любовь ко всей землѣ Русской; готовность служить ей только, но вездѣ, гдѣ платятъ хорошо и необижаютъ; отсутствіе общественныхъ предразсудковъ... но оттого же самоотверженіе и неодолима сила, когда въ

общемъ дѣлѣ возстаетъ вся Россія; оттого Рускій и гордъ такъ этою силою и увѣренъ, что Государю стоить только кличъ кликнуть, или сдѣлать нарядъ рекрутъ и онъ всей вселенною обовладѣтъ. У насъ помѣщикъ позволялъ откупаться крестьянину, давалъ вольную крѣпостному, дѣтей прикащика обучалъ иногда съ своими дѣтьми и выводилъ въ люди; пмянштыи человекъ выдавалъ дочь за прикащика и начинавшій торговать при лавкѣ, оканчивалъ (бывали примѣры) всѣмъ, чего можно достигнуть съ умомъ, трудомъ и терпѣніемъ, такъ, что многіе въ дѣятельной жизни переходили въ состоянія и званія! Это могло бы быть, однако, и иначе, если бы по слову Апостола *«кійждо въ званіи, въ немъ же призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ»*. Тогда крестьянинъ пахалъ бы землю и не замышлялъ, какъ бы попасть въ разношники; разношникъ не старался бы съѣсть въ лавку; торговецъ выйдти въ дворяне. Тогда помѣщикъ не мѣшался бы въ купечество; ремесленникъ думалъ бы о томъ только, какъ сдѣлаться мастеромъ, работать лучше и продавать дешевле; крестьянинъ въ день торга вывозилъ бы на рынокъ одно домашнее, сельское приготовленіе; купецъ

старался бы только понасть въ негоціанты; фабрикантъ—какъ бы улучшить техническіе способы заведенія, а не отыскивать съ утра до ночи купцовъ на свое производство; помѣщикъ не заводилъ бы въ дворнѣ толпу ремесленныхъ холопей, чтобъ имѣть сурово-небълье свое рукодѣлье; но покупалъ бы вужное отъ ремесленника-мастера, добротное и дешевое; для умноженія мастерской дворни не отнимался бы отъ сохи лучшей работникъ, отъ хозяйства поселянина хорошая женщина; города успѣшно обзаводились бы капиталами, ремеслами, мастерствами, и каждое званіе, состояніе, живучи по природному призванію, пріискало бы тогда, чѣмъ и какъ удовлетворять побужденіямъ соврожденнаго челоуьку желанія лучшаго въ собственномъ кругу. Тогда не разсказывали бы повѣстей: какими кто путями и отъ вагами перешелъ лѣстницу общественныхъ званій и сколько разъ ломалъ себѣ шею; но какимъ средствомъ достигъ почтенія и *апселюции* (*) въ собственномъ состояніи. На счетъ ремеслъ и въ Азіятскихъ владѣніяхъ нѣтъ такого замѣшательства. Земледѣльцу у хорошаго помѣщи-

(*) Слово нашихъ провинціальныхъ обществъ.

ка не худо; но разнощику по паспорту—хорошо; лавочнику лучше разнощика: въ лавкѣ его кредитуютъ; купцу еще лучше: кредиту больше, оборотъ обширнѣе; фабриканту весьма не дурно и у него есть права; но фабрикантъ и купецъ въ одномъ лицѣ соединяетъ барыши двухъ лицъ: и правъ больше и выгодъ больше; почетный гражданинъ чуть-чуть не дворянинъ; но дворянство, которымъ многіе мелкопомѣстные помѣнялись бы съ гражданствомъ, такъ и видится каждому почетному гражданину. Почему всякій хоть на часъ, да вскачь, рвется и приговариваетъ: семеро одного неждутъ, кто прежде всталъ да палку взялъ, тотъ и капралъ; было бы сдѣлано то-то, а тамъ хоть трава не рости; не нашу тысячу рубятъ; передній заднему мостъ; зачѣмъ свои сани собирать—чрезъ годъ въ чужихъ поѣдемъ. Когда тутъ заниматься дѣломъ: надобно выходить въ люди, а дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ. И такъ, начинаютъ однимъ, продолжаютъ другимъ, а на третьемъ еще не всегда оканчиваютъ, и во всякомъ дѣлѣ вездѣ одни новоуки, которые жалуются на худыя времена; а не разсмотрятъ: отъ чего прежнія Вятскія игрушки, Нижегородская п

Троицкая деревянная посуда и простонародные автоматы, Казанскіе козлы, Павловскія ножевичныя издѣлія, Костромскія шапки и картузы, Кимрякская обувь, Екатеринбургскіе подносы и сундуки, Армазекія швейныя издѣлія и финифтяная работа, Новоторжскія кожевенныя издѣлія, Устюжская чернь, Черкесскіе сырмятные ремни, вышиванья и галуны, Кубинскіе ковры, Шамахинскія мовы, такъ какъ наши плотники, каменщики, рессорники, колесники, разношники, кучера и т. п. лучшіе въ цѣлой Европѣ?.... Не отъ того ли, что въ области народной промышленности каждый изстари пребываетъ въ званиіи, къ которому призванъ.

Славяне собственныхъ стихій гражданственности неимѣли; все онѣ не развивались *изъ нихъ*, но были къ нимъ прививаемы *изъ силъ* отъ тѣхъ, съ кѣмъ они сближались. Власть призвали отъ Нормановъ и отъ нихъ усвоили воинственность, оружіе и образъ войны; религія заимствована отъ Грековъ, и она такъ слилась съ народомъ, что никакая сила не изменить нашего Православія. Религія — по природѣ: не касаясь ея Божественной сущности, она облечена въ роученіемъ догматическимъ, пере-

мошею торжественною, обрядомъ таинственнымъ, пѣсню хорною, которая и язычникамъ была своя; она поощрительна для промышленности, осуждая раба неключимаго, который скрылъ въ землѣ талантъ, полученный отъ господина; она по праву Русскому, ибо Новый Заветъ ея велитъ быть мудрыми яко зми и незлобивыми яко голубіе, дозволяетъ не печьсядушено чѣсть и чѣть пить и во чѣть одѣваться, заставляетъ просить хлѣба отъ Отца Небеснаго, поставляетъ мужа главою жены, повелывая ей бояться мужа, и проповѣдуетъ, что рабъ иѣсть боліиіи господа своего и посланный пославшаго его. Архитектуру и законы приняли отъ Грековъ и Сѣверозападныхъ народовъ; игры, нѣкоторыя слова и частію характеръ въ мѣстахъ, гдѣ были Татары, отъ Азіятцевъ. И такъ, наше древнее, коренное, природное заключается въ народной смышленности, умственной меткости, способности промышленной и ремесленной, въ неразрывной связи съ Верховною Предержащею Властію, особенномъ своемъ, отличномъ отъ другихъ народовъ приѣмъ за дѣло съ общемою готовностію за все браться на авось, и искусство — все чужое перенимать и

перелаживать по своему: попростѣе, да повыгоднѣе.

Житье, обращеніе и обычаи, коп въ Европейскихъ государствахъ правились Петру Великому и къ концѣ онъ желалъ приучить народъ свой, протекли отъ вныхъ обстоятельствъ. Власти тамъ были въ началѣ хотя тѣ-же Норманскія; но онъ пришли въ Европу сами, и вмѣсто земледѣльческаго съ промышленнымъ духомъ народа, нашли или варваровъ или людей во вретницѣ. Однако въ это вретнице облекались остатки общества Греціи и Рима, пережившихъ всѣ формы политическихъ организацій, наукъ, искусствъ, художествъ, и надъ ними остатками еще сохранялись монументальныя развалины славы и величія народнаго. Христіанство распространилось; но Храмы Истинному Богу воздвигались не на дѣвственной почвѣ между земледѣльцами и торговцами, какъ въ Россіи при Владимірѣ и послѣ, а на костяхъ Святыхъ Мучениковъ, и Крестъ Христовъ возникалъ и утверждался въ кровавой борьбѣ между изуверствомъ многобожниковъ и ревностію послѣдователей Религіи Откровенія.

Съ упадкомъ господственной Византіи, Римскій Папа, содѣлавъ себя намѣстникомъ Св. Петра, овладѣлъ и духовною и землею властію, и одушевивъ всѣхъ поклонниковъ своего престола идеей освобожденія Палестинскаго Гроба, собралъ и долго держалъ всю свою Европу подъ крестоноснымъ знаменемъ въ гибельной борьбѣ съ Аравітянами на Востокъ, пока эта Европа не раззорилась, и сподвижники душе-спасительной брани не разсыпались по лицу ея рыцарями подъ различными, придуманными отъ нихъ орденами, отыскивать въ самой Европѣ новыхъ приключеній, завоевывать дикихъ народовъ, распространять между ними Слово Истины и утверждать въ покоряемыхъ мѣстахъ статуи своихъ орденовъ. Въ этомъ фантастическомъ періодѣ едва все неугасло; одни духовные при свѣтѣ монастырскихъ лампадъ еще чѣмъ нибудь занимались; но Европа вообще наполнялась феодалами—помѣщиками праздными, любостыжательными, которые изъ своихъ замковъ и окоповъ спора межъ собою за владѣнія помѣстныхъ, спорили и съ подданными на своихъ земляхъ за право труда и право возмездія. Народъ дѣлалъ свое: пахалъ землю,

занимался рукодѣльемъ, лишнимъ переторговывалъ; но народу было тѣсно, трудно какъ никогда небывало... Онъ придумалъ общину или общество — пошло лучше: стали возникать города. Общины отважились на новый подвигъ: придумали привилегію, платя за нее феодальному владѣтелю — городской торговъ и промыселъ пошли въ ростъ. Нѣсколько городовъ составили межъ собою союзъ — возникла Ганза и подъ покровительствомъ сильнѣйшаго феодала овладѣла торговлею всей Европы. Но добрый порядокъ общаго дѣла, почему не приобрести къ частному? Въ область ремеселъ ввели цѣха, и какъ всякій городъ имѣлъ свой особый, привилегированный рынокъ, такъ каждый цѣхъ овладѣлъ особымъ, привилегированнымъ ремесломъ, мастерствомъ. Пока союзъ Ганзы не усиливался, община за свой рынокъ и промыселъ платила привилегію помѣстному феодалу — цѣхъ, за исключительное право работать то или другое, платилъ привилегію общинъ. Но феодалы воинственные, феодалы праздные, любостыкательные нарушали привилегію: на рынокъ, уступленный за деньги одному городу, пускали торговать купцовъ другаго города; куп-

пы, проѣзжая феодальными помѣстьями, были обижаемы и разбойниками и дворянами — пріѣзжала на рынокъ, встречали стороннее соперничество. Какъ-же бы обороняться, какъ защититься, обстоять право рынка, оплаченнаго за привилегію, какою силою отогнать отъ товара его торговаго непріятеля?... Города или общины завели свое правленіе, правосудіе, свою военную силу. И когда промышленники въ Россіи, управляясь однажды въ годъ для торговли подъ кровомъ храмоваго праздника, на ярмарку (мѣсто стеченія богомольцевъ), угрожались только въ пути, и то одними земскими разбойниками, и не имѣли надобности въ иныхъ мѣрахъ, кромѣ *пяди обозами, не по одиночку* — промышленники въ Европѣ, будучи претыкаемы на каждомъ шагѣ своекорыстіемъ властей и торговыми междоусобіями, должны были и въ пути, и на рынокъ, и въ городъ обставать вооруженною рукою и личностію, и правомъ, и товаръ и торговлею. Такъ шло дѣло не десятилетиями, но вѣками, и каждый цѣхъ, каждое общество, всякое братство могло бы не усвоить особеннаго духа, могло бы не сродниться съ своей привилегіей, своимъ правомъ, ремесломъ,

мастерствомъ. Наконецъ, чего не дѣлали за границей Папы, торгуя совѣстію людей и отпуская за деньги грѣхи на сколько лѣтъ кому угодно; чего не дѣлали Католическіе монахи?... Въ Россіи, напротивъ: Религія, власть и народъ изстари шли и идутъ рука объ руку; наши Святители хотя и были по обстоятельствамъ времени Удѣловъ и Татарь, лицами народно-политическими; но дѣйствіе неоскудѣвавшей въ нихъ Благодати обращалось ими единственно къ утверженію Россіи на каменіи вѣры и расширенію устенъ ея на враговъ нашихъ. Простой инокъ монастыря Ростовскаго сдѣлалъ всѣхъ Пермьковъ Христіанами, средствами, какія и по-нынѣ остаются единственными; отшельникъ Сергій, вознося горь Святая Святыхъ, подпиралъ своимъ древодѣльнымъ сосудомъ склоненный долу щитъ Московскаго Великаго Князя, благословлялъ Дмитрія двумя иноками на одоленіе Мамаи и единымъ словомъ прешенія утишилъ бунтъ Нижегородцевъ; Св. Петръ умная предрыкалъ, что ружь нашего самодержавія взыдутъ на плечи враговъ его; Св. Алексій испрашивалъ отъ Хана Большой Орды привилегіи

для угнетеннаго Татарами народа; Св. Макарій Унжинскій былъ первымъ виновникомъ, какъ его намѣстникъ—первыми распорядителями Макаревской, нынѣшней Нижегородской ярмарки, и всѣ наши первоклассныя ярмарки основались и утвердились подъ монастырскими стѣнами при храмовыхъ праздникахъ. И такъ, обращаясь къ достопочтеннымъ соотечественникамъ, заключимъ мысли наши «сколь ни прекрасны плоды иностранной промышленности; но да охранитъ насъ Богъ и Государь отъ средствъ, какими они пріобрѣтались тамъ!!! Съ нашей смышленостію, перемчивостію, трудолюбіемъ, да характеромъ, возрожденнымъ нашимъ предкамъ до Татарскихъ нашествій, мы всегда можемъ того-же достигнуть, если *каждо въ званіи, въ немъ же призванъ быть, въ томъ да пребудеть.*»

Въ заключеніе остается сказать, для полноты историческаго воспоминанія о нашихъ древнихъ отчинахъ по протяженію отъ Сѣверо-запада на Юговостокъ: въ чемъ состояли взаимныя отношенія между Россіей и Кавказскимъ

перешейкомъ — мѣстомъ , ближайшимъ къ современнымъ изслѣдованіямъ и первымъ , куда Кіевскіе Норманоруссы еще въ X вѣкѣ совершали свои воинскіе походы.

Вся степь отъ Сѣверной покатости Кавказскихъ горъ къ сторонѣ Россіи , гдѣ нынѣ Астраханская губернія , Кавказская область и Черноморія , въ древности былъ Сѣверъ Азіятскаго міра , земля кочевыхъ дикарей—Скиѳія.

Еще въ 2302 году отъ сотворенія міра , народы неизвѣстные дѣлали оттуда набѣги на Арменію и Иверію , проходя чрезъ Кавказскія горы Дербентскимъ и Даріельскимъ ущеліями , какъ двумя и донынѣ единственными путями. Съ перваго вѣка отъ Р. X. сія Скиѳія попеременно занималась Аланами , Готами , Хозарами , Гуннами , Аварами или Обрами , Гуннами-Огорами. Отъ нихъ нѣсколько на Сѣверѣ жили Угры , нѣсколько на Западѣ—Болгары. До VI вѣка Аланы и Хозары предпринимали неоднократныя нашествія на земли Южной покатости Кавказа , усилились при устьѣ Волги; въ VI вѣкѣ распространили свои завоеванія до Аракса , и въ VII , прогнавъ

съ Сѣверной стороны горъ , Гунновъ , сами завладѣли ею и большею частію Крыма. Въ X вѣкѣ за-Кавказскій край обратилъ на себя дѣятельное вниманіе Кіевскихъ Руссовъ , бывшихъ еще идолопоклонниками. Они совершили туда два похода Дивьпромъ , Чернымъ и Азовскимъ морямъ , Дономъ , Волгою , Каспійскимъ моремъ и Курюю , и разграбили значительный тогда городъ Берду , признаки коего еще существуютъ въ нынѣшней Карабагской провинціи , обогатясь большою добычею. При Святославѣ вся земля Черноморія , Кавказской области и выше на Сѣверѣ , принадлежали Руссамъ; жители Сѣвернаго Дагестана тоже имъ покорились , и до нашествія Половцевъ , Владиміръ Великій и его дѣти распоряжались Фанагоріей , подъ названіемъ Княжества Тмутароканскаго , какъ своей собственностію. Въ XII вѣкѣ степь отъ Сѣверовосточныхъ Кавказскихъ горъ до окрестностей Дона занималась Яссами; они воевали на берегахъ Дона съ Кіевскимъ Ярополкомъ , который женился тогда же на плынной дѣвицѣ Яскаго племени , и вскорѣ за тѣмъ Абазинская Княжна , Христіянка , изъ горнаго при-Кубанскаго племени , вступила въ бракъ въ

Кіевъ съ тамошнимъ Княземъ Ізяславомъ Мстиславичемъ.

Такъ родоначальники Русской Державы и Вѣры были близки и родственны съ Кавказомъ до нашествія Батые въ XIII вѣкѣ. Тогда Кавказскія горы и мѣста за Терекомъ, гдѣ нынѣ Чеченцы, Кумыки, Лезгины—назывались Ясками и Черкесскими; туда при Великомъ Князѣ Дмитрiѣ Александровичѣ, въ 1277 году, Рускіе вмѣстѣ съ Татарами ходили воевать Кавказскихъ Яссовъ или Аланъ, изъ коихъ многія (племена) упорно противоборствовали общему оружію; тамъ взяли мы съ Татарами Яскій городъ Деяковъ или Тетяковъ, нынѣ деревня Дюевъ, въ Верхней Табосаранъ близъ Дербента; а въ послѣдствіи, при Ханѣ Юзбекѣ, въ сихъ же мѣстахъ потеряли нашего Великаго Князя Тверскаго Михаила, который по приказанію Хана прибылъ въ Орду на судъ къ нему, злодѣйски раздавленъ близъ Дюека.

Когда Батый разлучилъ насъ съ Кавказомъ — степью древней Скиѣи завладѣла Капчакская Орда. Между Терекомъ и Курюю близъ нашего Екатеринограда (откуда начинается

нынѣ военно-Грузинская дорога чрезъ Дарьельское ущелье), Тохтамышъ сражался съ Тимуромъ за престолъ Капчакскій, покорилъ земли Черкесскую и Яскую, взялъ самыя неприступныя крѣпости въ Грузіи и разрушилъ Астрахань и Ханскую столицу — Сарай, и Россія въ продолженіе Татарскаго въ ней владычества забыла Кавказъ, пока Іоаннъ III съ хоругвию Куликовскою, не началъ изъ Москвы государственной управы съ невѣрными.

Въ 1477 году приступивъ къ дѣлу освобожденія Россіи, Іоаннъ старался сблизиться съ Персіянами, чтобы ихъ дружбою угрожать Хану Большой Орды. Закавказскій край впервые пройденъ нашимъ посланникомъ въ Персію, который возвращался оттуда въ Москву чрезъ Тифлисъ, Шамаху, Дербентъ и Астрахань. Въ слѣдъ за симъ Иверской земли Царство Кахетинское открыло сношенія съ нами, приславъ посломъ къ Іоанну одного Шекинца. Послѣ, чрезъ 7 лѣтъ, явилось въ Москвѣ посольство отъ Султана Махмута Шемахинскаго или Ширванскаго, который былъ въ то время независимый владѣтель этой Каспійской области, и тогда же чрезъ Закавказскій край по-

ѣхалъ въ Индію, по торговымъ дѣламъ, нашъ Тверитянинъ Афонасій Никитичъ.

Взятіемъ Казани и Астрахани Іоаннъ IV рѣшительно кончилъ и навсегда, дѣло съ Татарами. Последнее событіе возстановило торговое направленіе къ Астрахани Дагестанскихъ владѣльцевъ, Ширвани, Тюменя, Хивы, Сарайчика. Торжественно историческое повѣствованіе этого времени! Лишь степная и горная Азія увидѣли близъ устьевъ Волги Великокняжеское знамя того, кто взялъ два Татарскія царства — Хива и Бухарія немедля прислали въ Москву пословъ, владѣтель Сѣвернаго Дагестана Шамхалъ Тарковскій, земля Тюменская пожелали быть въ нашемъ подданствѣ; Иверская земля, давно искавшая его; снова открыла сношенія; Черкесскіе Князья дали присягу въ вѣрности, ожидая нашей помощи воевать Тавриду и овладѣвшихъ ею Турокъ, крестили въ Москвѣ дѣтей, желая возстановить въ своей землѣ ослабѣвшее Христіанство, отдавали ихъ на воспитаніе къ Московскому Царю и нѣкоторыя изъ дѣтей учились грамотѣ въ самомъ Кремлевскомъ дворцѣ вмѣстѣ съ нашими Царевичами. Въ томъ же году когда взята Астрахань,

Пятигорскіе Черкессы овладѣли двумя городками Азовскими именемъ Россіи, въ слѣдующемъ году ходили съ нами противъ Хана и противъ Ливоніи, и вообще пріѣзжали на царскую службу съ многочисленными конными дружинами; наконецъ въ 1559 году испросили отъ насъ полководца воевать Таврію, и священниковъ, которые бы основавъ Церкви въ дебряхъ и на скалахъ Кавказскихъ горъ, обновили тамъ древнее Христіанство и утвердили его крещеніемъ Кабардинцевъ.

Такъ земли древней отчины и обитатели Сѣверной покатоги Кавказа сблизилсъ съ Московскимъ Дворцомъ и Кремлемъ Русскаго Царя властительнаго. Ему оставалось утвердить эту власть при подошвѣ Кавказа, и Іоаннъ, по примѣру древнихъ Кіевскихъ Князей, вступилъ въ семейную связь съ Княземъ Темрюкомъ Черкесскимъ, женился на его дочери, Маріи; а въ 1569 году, подъ благовиднымъ предлогомъ защиты своего тестя отъ его недруговъ, уже строилъ укрѣпленный городокъ на Терекѣ близъ впаденія въ него Сунжи. Это первое жилище Рускихъ на Кавказъ! Хотя выстроенный городокъ вскорѣ былъ уничто-

женъ въ угодность Турецкому Султану, по мѣсто его сдѣлалось *притономъ Волжскимъ Казакамъ и государственнымъ опальнымъ бѣглецамъ безъ Государева вѣдома.*

Въ это время Иверія, ослабленная удѣлами, введенными въ 1414 году Царемъ Александромъ, угнѣталась болѣе и болѣе Турками и Персіянами. Первые уже владѣли всеми ея провинціями по Восточному берегу Чернаго моря и строили свои укрѣпленія въ Западной части Карталиннн. Последнею пользовался, какъ удѣломъ, Князь Симеонъ; въ Кахетин царствовалъ его тесть — Александръ. Въ Москвѣ Іоаннъ IV умеръ и воцарился Θεодоръ; правительствовалъ Россіей Борисъ Годуновъ. Кахетинскій Александръ боялся за себя и за Грузію и молилъ *слезно* Θεодора взять ее въ подданство Россіи, основать крѣпости на Терекъ, овладѣть Таркѣмъ — столицею Шамхала, который отложился отъ Россіи когда Турки овладѣли Дагестаномъ, и берегомъ Каспійскаго моря открыть сообщеніе съ Иверіей. Но гдѣ и какъ пройти туда? Въ XVI вѣкѣ мы забыли дороги чрезъ горы. Бывшіе въ Москвѣ посланцы Царя Кахетинскаго совѣтовали идти съ Терска-

го города на Тарки, оттуда на Кафирь-Кумука, на Казанища, на Казы-Кумука и на Князя Захурскаго (мѣстечко Захуръ, въ Сѣверной части отъ нынѣшняго владѣнія Султана Ели-су, въ верховьѣ Самура), который былъ поданный Александра; а Черкессы, разсорившіеся съ Кабардинцами, желая воевать Шамхала, предлагали слѣдовать отъ Сунжинскаго городища на Князя Аварскаго, взявъ предварительно отъ него въ Терскій городокъ, закладъ; а потомъ на Чернаго Князя, откуда до Иверскія земли оставалось не болѣе десяти дней. Дорогу избрали по совѣту Кабардинцевъ и отправили къ Александру 40 соболей, 2 лиспы, 1,000 горностаевъ, 10 рыбныхъ зубовъ и кольчугу съ панцыремъ и шоломомъ. Посольство встрѣчено на границахъ Иверин, Царь принялъ пословъ въ шатръ, на горахъ; но отъ требованія ихъ: выслать въ Терскую крѣпость хлѣба на 2,500 человекъ отговорился трудностію, дальностію, горами и невозможностію собрать столько запаса; а на счетъ дани сказалъ, что Персидскихъ камокъ съ золотомъ и серебромъ въ землѣ его не дѣлають, а онъ ихъ добудеть; но въ ней водятся аргамакъ и шелкъ (въ ны-

нѣшней Джаро-Бейлеканской области). За по-
сольствомъ прибылъ къ Александру съ цар-
скою жалованною грамотою, нашъ сановникъ
Князь Звѣнгородскій, и Александръ, цѣлуя
крестъ, клялся вмѣстѣ съ тремя сыновьями и
со всею землею быть въ вѣчномъ и неизмѣн-
номъ подданствѣ Θεодора, его дѣтей и наслѣд-
никовъ, имѣть однихъ друзей и враговъ, слу-
жить усердно до издыханія и присылать еже-
годно въ Москву 50 златотканыхъ Персидскихъ
камокъ и 10 ковровъ съ золотомъ и серебромъ.

Изъ маршрута Князя Звѣнгородскаго, 1589
года, видно, что кромѣ городка или острога на
Терекѣ при устьѣ Сунжи, уже былъ въ это
время при устьѣ самаго Терека нашъ городъ
Терскій, откуда Стрѣлцкія головы ходили
стоять въ укрѣпленіе къ Сунжѣ.

За пріятіемъ Кахетіи въ подданство, съ на-
шей стороны были употреблены мѣры рѣши-
тельныя: Терекій городокъ, служившій нѣсколь-
ко времени пристанищемъ для однихъ Казаковъ
вольныхъ, былъ неправиленъ и занятъ стрѣлц-
кими дружинами, и Воеводѣ Князю Хворости-
нину было поручено утвердить власть Россіи
надъ Князьями Черкесскими и Кабардинскими

и блиости Иверію. Воевода упрекалъ Шамхала
Тарковскаго, что онъ забылъ свою присылку
къ Московскому Царю; требовалъ братьевъ его
аманатами въ Терекій городокъ, наконецъ наше
Астраханское войско тѣнить его, отнимаетъ у
него рѣку Койсу и на ея берегахъ мы хотимъ
ставить свой городъ.

Иверія дѣйствительно заслуживала сожалѣніе.
Князь Звѣнгородскій замѣтилъ во всей Кахетіи,
кромѣ нѣсколькихъ селеній, только два бѣд-
ные городка: Гремъ и Загамъ. Церкви на кру-
тизѣхъ горъ стояли уединенны и пусты; духо-
венство славясь древностію Христіанства, уже
забывало главные уставы вселенскихъ соборовъ
и обряды богослуженія.

Тогда же отъ Царя Кахетинскаго было въ
Москвѣ вторичное посольство съ извѣщеніемъ
о подданствѣ земли его и съ подарками. Царь
Θеодоръ снабдилъ его огнестрѣльнымъ снаря-
домъ, обѣщавъ прислать и мастеровъ, искус-
ныхъ въ литьѣ пушекъ; но дѣйствительно при-
слалъ ученыхъ Іереевъ исправить церковные
обряды, и живописцевъ украсить храмы Свя-
тыми иконами; а о *мастерахъ* обѣщавъ *впредь*
указъ свой учинить, очистить дорогу. Александръ

съ умплениемъ повторялъ, что жалованная Царская грамота упала къ нему съ неба и вывела его изъ тьмы на свѣтъ, и что наши священники суть ангелы для духовенства Иверскаго, омраченнаго невѣжествомъ, и ободренный обѣщаніями Александръ умножилъ свое войско, собралъ до 15,000 всадниковъ и пѣшихъ, вывелъ ихъ въ поле, строилъ, училъ, давалъ имъ знамена крестоносныя, епископовъ, монаховъ въ предводители, и говорилъ Князю Звѣнягородскому: «Слава Россійскому вѣщицосцу: это не мое войско, а Божіе и Θεодорово!» и въ то же время на требованіе Турецкихъ пашей отвѣчалъ: *съ запасомъ въ Дербень и въ Баку чрезъ свою землю не пушу, и своихъ запасовъ не дамъ; хополь есмь Царя и Великаго Князя всея Русси, а Турскаго неблюдуъ . . . . .*

Такъ основалась связь Россіи съ Кавказскимъ перешейкомъ. Съ тѣхъ поръ ея Самодержицы именуются *Государями земли Иверской — Грузинскихъ Царей, и Кабардинской земли — Черкесскихъ и Горскихъ Князей.*

Изъ вышеизясненнаго раждается вопросъ: чего искала Россія въ этомъ краѣ, особенно за горами? Нашъ Исторіографъ полагаетъ, что

приобрѣтеніемъ его, она хотѣла поддержать въ глазахъ Европы честь и славу своего имени. Но въ чемъ же тогда могла Россія поставлять свою честь и славу?

Это событіе совершилось на Югъ въ томъ же вѣкѣ, когда Христофоръ Колумбъ на Западъ, не могъ иначе дать хода своему проекту объ открытіи Новаго Свѣта, какъ чрезъ монаховъ: духовника Королевы Изабеллы, учителя дѣтей ея и Великаго Кардинала, и притомъ положивъ главнымъ основаніемъ плану: проповѣданіе Иисуса Христа неизвѣстнымъ народамъ. Тогда Римскій наместникъ Св. Петра былъ первый политикъ, первый двигатель военныхъ силъ, первый ученый, наставникъ и негодянтъ невещественныхъ матеріаловъ совѣсти, нехотѣвшій быть купцомъ дѣйствительнымъ потому только, что торговля предпріятія совершалась подъ вліяніемъ его же агентствъ. Европа, однако, возрождалась къ новой жизни: духъ открытій, путешествій овладѣвалъ морскими державами; мысль крестоносцевъ объ освобожденіи Гроба Господня, послѣ восьмиплѣтковой борьбы съ Маврами, еще неугасала на Западъ и въ это время Великая Татарія, Индія и путь къ

нимъ были избранными предметами предпріятій. Россія проявляла тотъ же религіозный и отважный духъ времени. Иновѣрная для Европейскаго Запада, она соединялась съ нимъ единствомъ религіи и семейною связію Іоанна III съ послѣднимъ преемникомъ Цареградскаго престола, который отпустивъ къ намъ свою сестру—право на Греческую Имперію отказалъ Испаніи. Перетерпѣвъ бѣдствія внутреннихъ Удѣловъ и неся Татарское иго—Россія, назидаемая доблестными Великими Князьями и одушевляемая Святыми Іерархами своей Церкви, подъ звукомъ Кремлевскаго колокола крѣпко держалась за религію и упорно отклоняла домогательства Рима о принятіи Католичества. Семья даровитыхъ Іоанновъ освободила ее отъ Татаръ, и виды о расширеніи государства въ степь, владѣніями древней отчины, открылись сами собою когда изгоня невѣрныхъ путемъ ихъ шествія на насъ, мы сближались съ общей, современной цѣлю предпріятій Европы.

Съ смертію Іоанна IV, возстановившаго прямую связь между Россіей и Азіей и торговыми сношеніями съ Персіей и Бухаріей посредствомъ дружественныхъ намъ Англичанъ

и родствомъ своимъ съ Черкессами, и покровительствомъ Англійской торговли въ Дербентъ и Бакъ, и водвореніемъ Русской торговли въ Ширванъ, гдѣ, потомъ (въ 1712 году) наши купцы потеряли до 4 мил. рублей—политика съ Азіей могла бы и измѣниться при слабомъ постникѣ и молчальникѣ, рожденномъ болѣе для келии, каковымъ представляется Ѳеодоръ Іоанновичъ на Московскомъ престолѣ: такой Государь удовлетворялся немногимъ, и обращеніе къ намъ Черкесъ и Кахетин могло бы остаться безъ дѣятельнаго участія; но подл парственною тѣнію Ѳеодора, государственнымъ кормиломъ правилъ Борисъ Годуновъ, умный поборникъ Іоанна Грознаго въ дѣлахъ внешней политики. Подготавливая себѣ влияние и связи въ Европѣ, будущій Царь-избранникъ на престолѣ наследственномъ, постигалъ, какъ Европа и Папа, по духу времени, оцѣнять подвигъ Россіи въ возстановленіи Христіанства въ Азій и защиту отъ Турокъ бѣдной Грузіи. Турки были и для насъ тягостны, дѣлая набѣги изъ Крыма даже до Тулы; но Европѣ они казались новыми Аравитянами, и Западные энтузіасты видя въ нихъ властелиновъ и на Во-

сточныхъ берегахъ Чернаго моря, и на Западныхъ Каспійскаго, и въ Крыму, и въ Византіи, и въ Палестинѣ—занимался одною мыслію общаго на нихъ возстанія. Вотъ причина, почему мы, сдѣлавъ все въ пользу Черкесъ и Кабардинцевъ, какъ сильныхъ орудій противъ Турокъ, послали и въ Грузію ученыхъ Іереевъ и живописцевъ, и снабдя Царя Александра огнестрѣльнымъ снарядомъ, общали и литейныхъ мастеровъ; вотъ причина, почему восхищенный покровительствомъ Россіи Александръ, собравъ до 15,000 всадниковъ и *пѣшихъ* Грузинъ, коихъ нынѣ не видимъ между войсками нашими за Кавказомъ, далъ имъ знамена крестоносные, епископовъ, монаховъ въ предводители и называлъ это войско Божіимъ и Θεодоровымъ.

К о н е ц ъ .